

AGENCY STO

VERT
MERC
OV
C-UP
EMIC

МИХАИЛ

Башня из
красной глины

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЖОВ

time | 1 2 3 4 | 5 6 7 8 9 10 11

Русский детектив

Михаил Ежов

Башня из красной глины

«Центрполиграф»

2013

Ежов М.

Башня из красной глины / М. Ежов — «Центрполиграф»,
2013 — (Русский детектив)

Убит гениальный ученый, руководитель лаборатории по изучению проблем генной инженерии, профессор медицины Марухин. В горле жертвы обнаружили комок красной глины и клочок бумаги с изображением таинственного знака. Все указывает на древнюю легенду о Големе – глиняном человеке, убившем своего создателя. Следователь Смирнов, которому поручено дело, подозревает, что будут еще жертвы. Очень скоро его опасения оправдываются: найдены трупы монаха и акушера. Следователь понимает, что все следы ведут в лабораторию...

© Ежов М., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1. Воскресенье	6
Глава 2. Понедельник	16
Глава 3. Вторник	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Ежов

Башня из красной глины

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травую обвита была голова моя.

Ион., 2: 6

Глава 1. Воскресенье

– Что тут у нас? – зевнув, спросил Смирнов.

На нем были надеты легкая зеленая ветровка, мешковатые джинсы и кожаные ботинки на липучках вместо шнурков. Коротко стриженные волосы лежали в разные стороны, потому что он забыл причесаться.

Смирнов недовольно взглянул на яркую лампу, освещавшую прожекторскую. Его подняли в семь утра в выходной, чтобы он приехал в морг посмотреть тело. И все потому, что два года назад полицейскому уже приходилось расследовать ряд преступлений, совершенных с особой жестокостью. «Тебе понравится», – сказал ему по телефону Несметов, начальник районного управления. Можно подумать, Смирнов получал удовольствие, разглядывая истерзанные трупы.

Впрочем, этого тела он еще не видел. По словам Несметова, посмотреть было на что, но в подробности начальник не вдавался.

– Показывай, – кивнул Смирнов патологоанатому, двадцатипятилетнему парню по фамилии Тумарин, пришедшему работать к ним в район всего полгода назад. Он же входил в группу криминалистов и, как правило, представлял результаты их совместных усилий полицейским. Поэтому по всем вопросам обращались именно к нему.

Тот поправил очки в черной пластмассовой оправе и взялся за край простыни. Немного театральным жестом снял и переложил ее на соседний стол.

– Прошу, полюбуйтесь! – сказал Тумарин, сложив руки на груди и как бы предлагая полицейскому оценить труп.

Смирнов невольно содрогнулся, хотя видел вещи и похуже.

– Мужчина шестидесяти трех лет, – выдержав паузу, начал комментировать Тумарин. – На груди и животе многочисленные порезы, сделанные зазубренным лезвием. Причем я думаю, что убийца сделал зубцы на обычном ноже, поскольку они отличаются друг от друга длиной и формой.

– Дальше, – коротко велел Смирнов.

– На ногах по три перелома, вероятно, от ударов металлической трубой диаметром не меньше трех сантиметров. На коже остались следы ржавчины и зеленой краски, они сейчас на анализе. Далее, фаланги пальцев на руках сломаны, причем все. На запястьях и лодыжках алюминиевая проволока диаметром два миллиметра, накрученная в три витка.

– Значит, жертву связали?

– И надежно, прошу заметить, – согласился Тумарин.

– А эти переломы. По ним можно определить, насколько силен убийца?

Патологоанатом скептически хмыкнул:

– В наше время не так уж много действительно сильных людей, даже среди мужчин. Если человек не занимается спортом, удар у него так себе.

– Значит, удары, нанесенные покойному, силой не отличались?

– Вообще-то, да.

– Их могла нанести и женщина?

– Вполне.

– Что еще?

– Анализ крови я сделаю, но могу предположить с большой долей уверенности, что предварительно мужчину усыпили хлороформом, – я обнаружил его следы на лице в области губ, носа, щек и подбородка. Кроме того, после него на коже остаются характерные ожоги.

– Под ногтями что-нибудь есть?

– Только обычная грязь. Ничего примечательного. Остатки сухой кожи в основном.

– Убийцы?

– Нет, его собственной. Это я уже проверил. Думаю, он просто чесался. В пользу этого говорит то, что частицы кожи находились в основном под ногтями указательного, среднего и безымянного пальцев. Когда человек чешется, то использует именно эти пальцы. – Патологоанатом тут же продемонстрировал это на собственной руке.

– Ясно, – сказал Смирнов.

– А вот это вам должно понравиться. – Тумарин взял с соседнего стола целлофановый пакетик и протянул Смирнову. – Это я извлек из ротовой полости убитого, так что советую надеть перчатки. – Он указал на нераспечатанный пакет, лежащий рядом с полицейским.

– Что это? – заинтересованно спросил Смирнов, натягивая перчатки. – Записка?

– Не совсем.

Тумарин раскрыл пакет и достал свернутую трубочкой бумажку:

– Смотрите сами.

Смирнов взял бумажку и аккуратно развернул. В центре листка был старательно выведен значок, напоминающий букву «П».

– Что это? – нахмурился Смирнов.

– Без понятия. Похоже на «П».

– Это я и сам вижу.

– Можно отсканировать и забить в компьютер.

– Сделай это, – сказал Смирнов.

– Не могу гарантировать, что компьютер распознает этот знак, – с сомнением покачал головой Тумарин. – Он слишком похож на «П».

– Все равно попробуй. Потом расскажешь, что получилось.

– Ладно.

– А я постараюсь узнать, известны ли случаи, когда человеку в рот клали записку. Может, легенды или мифы.

– Это может сработать. Если забить в Интернет...

– Предпочитаю консультацию живого человека, – перебил Смирнов. – Думаю, какой-нибудь профессор подойдет.

Патологоанатом усмехнулся:

– Иногда Интернет оказывается полезней.

– Попробую и то, и то. Для полноты картины. Что еще хорошего скажешь?

– Ну, бумага, которую вы держите в руках, – это обычный листок для записей. Такие стопками продаются в канцелярских магазинах. Написано кровью.

– Чьей? – быстро спросил Смирнов.

– Не убийцы. Жертвы. Думаю, ее взяли из пореза.

– А чем писали?

– Похоже, иголкой. На бумаге хорошо заметны царапины.

– Может, концом ножа?

– Нет, линии получились бы шире.

– Отчего он умер? – помолчав, продолжил спрашивать Смирнов.

– От удущья.

– Его задушили? – Взгляд полицейского скользнул по шее убитого. – Я не заметил никаких следов.

Тумарин кивнул:

– И не заметите.

– Тогда как его прикончили? Положили подушку на лицо?

– Нет. Забили горло глиной.

– Чем-чем?!

- Глиной.
- Какой?
- Красной.
- Анализ сделали?
- Пока нет. Его только вчера вечером привезли.
- Когда будет?
- Не раньше завтрашнего утра.
- Чего так долго?
- Есть реакции, которые требуют времени, знаете ли. Они не могут проходить быстрее, чем... словом, не все можно ускорить.
- Ладно, только не затягивайте, ладно?
- Как смогу – сделаю. Получите с пылу с жару. Но должен предупредить, что вокруг Питера полно мест, где можно достать красную глину.
- А в городе?
- И в городе. Например, в аптеке или в цветочном магазине. Но такую глину я сразу отличу.
- Каким образом?
- Она очищена.
- Ясно. А можно по составу глины определить, откуда она?
- С большей или меньшей степенью вероятности. Но это будет только территория, а не конкретное место. В лучшем случае карьер. Но глину можно выкопать и на берегу реки, так что... – Патологоанатом пожал плечами. – Никакой точности.
- Сделайте все, что сможете.
- Конечно. Мне самому интересно. Я с такими делами еще не сталкивался.
- Ну еще бы! Они попадаются не так часто.
- Я слышал, что вам приходилось расследовать что-то похожее. – Тумарин испытующе взглянул на полицейского.
- Не факт, что мы сейчас имеем дело с серийным убийцей, – возразил Смирнов. – Возможно, случай окажется единичным.
- Вы ведь на самом деле так не думаете?
- Почему?
- Такие психи не останавливаются. Тут же невооруженным глазом виден *modus operandi*! Кажется, так вы это называете?
- Смирнов задумчиво кивнул.
- Тот, кто убил этого человека, постарался раздобыть глину, – проговорил он медленно. – Для него имело значение, что засунуть ему в глотку. И записку он вложил не просто так. Я думаю, это никакое не «П». Надо выяснить, что это за символ, – возможно, в этом ключ.
- К чему?
- К мотиву.
- Я постараюсь узнать все, что можно. Но знак очень уж... нехарактерен.
- Я понимаю.
- Покажите его профессору. Тому, который согласится вас проконсультировать. Я сделаю ксерокс.
- Давай.

Патологоанатом и Смирнов вышли из прозекторской в комнату, где стояли компьютер, принтер, факс и сканер – приборы, которые были необходимы для быстрой и качественной отправки результатов анализов и прочих обследований. Из нее вели три двери: в прозекторскую, в лабораторию и в холл.

Тумарин быстро скопировал листок и протянул Смирнову. Тот сложил его и сунул в карман.

– Есть еще что-нибудь, что я должен знать об этом трупе?

– Пока нет. К завтрашнему утру я закончу более тщательный осмотр и составлю полный отчет.

Следователь кивнул:

– Ладно, будем пока работать с тем, что есть.

Попрощавшись с патологоанатомом, Смирнов вышел из морга и направился к своему старенькому «мицубиси». Садясь за руль, подумал в очередной раз о том, что пора бы сменить машину. Но руки никак не доходили.

Полицейский направился в участок.

Лето выдалось жаркое и сухое. На улице было двадцать три градуса в тени при полном безветрии. В голову пришло, что в такую погоду трупы разлагаются особенно быстро. Мужчина, которого Смирнов несколько минут назад видел на столе прозекторской, сохранился относительно неплохо – его нашли в собственном холодильнике. Обнаружила тело жена убитого, когда вернулась вечером домой. Она уезжала в Новгород на медицинский симпозиум и приехала только к одиннадцати вечера. К тому времени ее муж был мертв уже часа четыре. Это удалось выяснить не по состоянию тела, а исходя из показаний свидетелей. Этот предварительный отчет Смирнов получил сразу, как только явился в морг: Тумарин протянул ему листок едва ли не на пороге. Сейчас он лежал у следователя в кармане вместе с ксерокопией записки, оставленной во рту убитого.

Опрошенные по горячим следам свидетели показали, что Марухин Александр Викторович, профессор медицины, почетный член чего-то там, вышел из НИИ, где работал в течение последних тридцати четырех лет, сел в свой БМВ и поехал домой. Встречался ли он с кем-нибудь по дороге, неизвестно. По крайней мере, пока. Эту информацию перед тем, как Смирнов отправился в морг, сообщил ему Дымин, опер, находившийся под его началом. Затормозив на перекрестке, следователь достал мобильник и набрал его номер.

– Привет, это я. Да, уже уехал. Видел, конечно. Слушай, вещи Марухина у тебя? Отлично. Проверь контакты в его мобильнике. И журнал вызовов обязательно. Надо выяснить, не звонил ли он кому-нибудь после того, как вышел из НИИ. Если нет, проверяй последние звонки: он мог договориться о встрече заранее. Если была любовница, она может не признаться, так что я полагаюсь на твой нюх. Да ладно, не скромничай. Пока все. Я сейчас приеду, привезу кое-что. Вместе посмотрим. Ах да, вот что еще: подбери мне пару контактов каких-нибудь профессоров по мифам и легендам. Ну, не знаю, на философском или историческом факультетах попробуй. Мне надо у них проконсультроваться. По какому поводу, объясню, когда приеду. Все, буду минут через двадцать. Давай.

Отключившись, Смирнов свернул на аллею и повел машину между двумя рядами высоких тополей, с которых уже слетел пух. Он затормозил возле стеклянного магазина, чтобы купить йогурт и что-нибудь к чаю. Через пять минут полицейский уже снова ехал в сторону участка. Он добрался даже раньше, чем обещал, – не больше чем за четверть часа.

Дымин, молодой опер, который должен был вот-вот пойти на повышение, ждал Смирнова в его кабинете. Он сидел за компьютером, одной рукой придерживая телефонную трубку, а другой водя мышкой по черному коврику.

– А в понедельник? – говорил он, когда вошел Смирнов. – Во сколько вам будет удобно? Около пяти? Хорошо, договорились. Да, конечно, он не опоздает. Спасибо. Где вас найти? Ага, понял. Всего доброго.

Повесив трубку, Дымин шутливо свел глаза к носу и театрально вздохнул:

– Ох уж эти профессора!

– Что такое? – Смирнов сел в кресло, которое ему уступил опер. Сам Дымин занял свободный стул.

– Да вечно они заняты! То лекции, то семинары, то им, видите ли, позарез надо в библиотеку, потому что для них отложили какой-то том, на который претендуют двадцать человек. Короче, такое впечатление, что люди на войне.

– Может, так и есть? – хмыкнул Смирнов. – Договорился с кем-нибудь?

– Ты же слышал. – Дымин взял бумажку для записей и карандашом быстро на ней что-то накорябал. – Держи!

– Что это? – Следователь быстро пробежал текст глазами. – Ну и почерк у тебя. Как курица лапой.

– Какой есть.

– Викандров?

– Ага. Максим Юрьевич. Профессор, как ты и заказывал. Преподает философию. Ниже адрес. Ждет тебя в понедельник в пять у себя на кафедре. Если что, спросишь, тебе подскажут, где его найти.

– А раньше никак?

Дымин развел руками:

– Не привередничай, ждать всего лишь до завтра.

– Больше никому не звонил?

– Не успел. Ты меня озадачил всего минут десять назад.

– Пятнадцать.

Опер усмехнулся.

– Все равно, по-моему, я быстро справился.

– Ладно, спасибо. – Смирнов спрятал бумажку в карман.

– Так-то лучше, – кивнул Дымин. – Что тебе поведал наш эскулап?

– Ничего особенного. – Следователь вытащил ксерокопию и положил на стол перед опером. – Полюбуйся. Это достали изо рта убитого.

– Что это? – заинтересованно придвинул к себе листок Дымин. – «П»?

– Похоже. Но мне кажется, что нет.

– Выглядит как «П».

– Поэтому я и хочу проконсультироваться с кем-нибудь, кто в этом шарит. И еще в легендах всяких. Может, там есть что-то насчет записок, вложенных в рот, понимаешь?

Дымин кивнул.

– Думаешь, если мужик работал в универе, то его и грохнул кто-нибудь из своих? В смысле, шибко умных и начитанных?

– Да нет, не в этом дело. Он-то в медицинском подвизался, а тут скорее из философии или истории.

– Или литературы, – задумчиво добавил опер.

– Может быть, – согласился Смирнов. – Так что давай сначала в Интернете пошарим, а потом уже я либо за разъяснениями пойду к профессору, если что-нибудь подходящее найдем, либо попрошу его хоть какую-нибудь зацепку дать.

– Ладно, там браузер открыт уже. Я тебе профессоров искал. Забей в поисковик что-нибудь насчет записок во рту.

Смирнов ввел подходящую фразу.

– Ну как? – поинтересовался опер. – Есть чего?

– Не особенно, – протянул Смирнов. – Болезни горла, кишечника... короче, всякая тупта.

– Значит, остается профессор?

– Похоже на то.

- А что будем делать до этого?
- Ну, вообще имеется еще одна зацепка.
- Выкладывай.
- Горло у трупа было забито красной глиной. Он от этого и помер: задохнулся.
- И что нам это дает?
- Пока ничего. Тумарин сделает анализ и постарается выяснить, откуда эта глина была

взята.

- Значит, мы тут тоже пока ничего сделать не можем?
- Не скажи. У нас же есть Интернет. Давай посмотрим, что есть про глину.
- Тебе сейчас сто ссылок на строительные фирмы выпадет, – скептически заметил

Дымин.

– Выпадет, – согласился Смирнов. – Но я по-другому запрос сформулирую. – Он быстро набрал на клавиатуре нужную фразу. – Поглядим, какое значение имеет глина в мифологии.

- С чего ты взял, что наш убийца спец по мифам и легендам?

– Слушай, он постарался где-то накопать глины, сунул в рот мертвецу бумажку, запихнул его в холодильник, чтобы он не слишком быстро разложился. Это говорит о том, что он хотел оставить послание.

Дымин поморщился:

- Только не говори, что он хочет, чтобы его поймали.
- Не в этом дело. Но я считаю, что убийца пытается донести до нас какую-то мысль.

Может быть, не до нас с тобой, то есть конкретно полицейских, а до мира, что ли.

- До широкой общественности? – подсказал Дымин.

– Может быть. Хотя вряд ли. У меня такое чувство, что это некая попытка оправдать свой поступок.

- Думаешь, он чувствует вину?

– Нет. Уверен, что нет. Но наверняка у убийцы была причина. И он считает ее справедливой. И хочет, чтобы другие понимали это.

- То есть мы столкнулись с мстостью?

– На теле следы пыток. Такое бывает только в двух случаях. Когда хотят причинить боль или когда стремятся что-то узнать.

- И ты думаешь, наш случай первый?

- Если нет, то, возможно, мы еще услышим о нашем убийце.

- Почему?

- А что можно узнать у того, кого считаешь в чем-то виновным?

Дымин подумал:

- Имена сообщников?

- Угу. Впрочем, это только догадки.

- Это мы скоро узнаем. Что там насчет глины?

– Давай посмотрим. – Смирнов уткнулся в компьютер, Дымин взял стул и поставил его так, чтобы тоже видеть экран. – Ну вот, кое-что нашлось. Давай скопируем и потом уже прочитаем внимательнее. – Следователь потратил пару минут на то, чтобы перенести тексты в Ворд.

– Итак, – проговорил Дымин, доставая сигарету, – что мы имеем? Не против, если я закурю? Я слышал, ты все-таки бросил.

– Кури, – разрешил Смирнов. – Переживу. Смотри, вот это, по-моему, наиболее подходящее. По крайней мере, пока.

- Так, давай по порядку.

– Ну, во-первых, древние евреи считали, что бог вылепил человека из глины. То есть речь идет об Адаме. Во-вторых, египтяне верили, что отец богов Хнум вылепил людей из глины на гончарном круге. Далее, греки считали, что Прометей создал первых людей из глины, а Афина

вдохнула в них жизнь. Австралийские аборигены полагали, что некий Бунджил срезал ножом три куска коры, положил на один из них кусок глины и сделал человеческие фигуры, а затем начал дышать им в рот, чтобы они ожили.

– Смотри, уже второй раз возникают вместе рот и глина, – перебил Смирнова Дымин. – Боги вдыхают жизнь в глиняные существа.

– Да, я заметил. Давай дальше смотреть. Может, обнаружим еще какие-нибудь совпадения. На островах Тихого океана аборигены считают, что людей сотворили из глины, которую замешивали на крови животных, и от этого напрямую зависит характер человека.

– То есть, если в глину добавили кровь льва, он будет храбрецом?

– Да, типа того. Вряд ли, конечно, у них там водились львы, но идея такова.

– Надо проверить глину, которую забили в горло Марухину, на предмет содержания в ней крови.

– Думаю, если она там есть, Тумарин это обнаружит.

– Ладно, читай дальше.

– Значит, так. Аккадский миф рассказывает о том, как бог Мардук создал людей из глины, смешанной с кровью убитого им чудовища. Опять кровь! Есть также версия, что хорошие люди сделаны из хорошей глины, а плохие – из плохой. Честно говоря, не знаю, по каким критериям определяется качество глины, – заметил Смирнов. – Тут об этом ничего нет.

– Можно узнать у специалистов, если ты считаешь это важным, – предложил Дымин.

– Сейчас важным может оказаться что угодно.

– Тоже верно. Так мне пробить эту тему? Насчет качества глины?

– Да, пометь себе на всякий случай.

– Жалко, сегодня выходной, – пробормотал опер, записывая себе в блокнот «задание». – Ну, что там еще интересного?

– Шумерский миф повествует о том, как боги попросили Энки, верховного бога, сделать для них слуг. Понятное дело, тоже из глины. Популярный материал был, как я погляжу.

– Не то слово!

– Мордовские мифы утверждают, что людей создавали два бога – Чампаз и Шайтан. Но у второго дело не заладилось, и он отправил на небо птичку-мышь, которая свила гнездо в полотенце Чампаза. Из-за тяжести оно свалилось на землю, и Шайтан начал вытирать им свои глиняные фигурки, благодаря чему те ожили. Поэтому тело принадлежит Шайтану, а душа – Чампазу.

– Хитро! – хмыкнул Дымин. – Если честно, мне трудно представить, чтобы убийца все это прочитал перед тем, как пойти кого-то грохнуть.

– Заметь, тут везде прослеживается общая идея.

Опер кивнул:

– Да, человека слепили из глины и вдохнули в него жизнь. Но я считаю, что у преступника уже должна была быть идея, как убить Марухина. Если он что-то и почерпнул из легенд, то детали. Никто не станет сидеть перед монитором и искать в Интернете, как бы поизощреннее грохнуть того, кого ненавидишь.

– Ну да, может, ты и прав. Все остальное тут на ту же тему.

– А вот это что? – Дымин ткнул дымящейся сигаретой в последний абзац текста.

– Снова из еврейской мифологии.

– Про Голема?

– Ага.

– Давай прочитаем, раз уж начали.

– Ладно. – Смирнов вздохнул. – Итак, в Праге бытует миф о глиняном человеке, Големе, чье имя переводится как «коммок», «неготовое», «неоформленное». Чтобы сделать Голема, надо слепить из красной глины фигуру размером с десятилетнего ребенка. Оживить ее можно,

вложив в рот Голема бумажку с начертанным символом «алеф», первой буквой алфавита, которой каббалисты придавали магическое значение.

Смирнов откинулся на спинку кресла и выразительно посмотрел на Дымина. Опер широко улыбнулся.

– Читай дальше! – кивнул он. – Похоже, нашли.

– Дай-то бог! – проговорил Смирнов, снова придвигаясь к экрану. – Так, где это у нас? Потерял. Ага, вот! Голем не умеет говорить и не обладает душой, однако он может выйти из-под контроля и убить своего создателя. Известна легенда о Големе, которого сделал рабби Лёв, чтобы защитить народ пражского гетто, и которая легла в основу романа Густава Майринка. По сути, действия человека, делающего Голема, повторяют сотворение Богом Адама, имитируют их. Однако наделить своего истукана душой маг не в силах, и это та грань, которую не в силах перейти человек, то, что отличает его от Господа.

Чтобы убить восставшего Голема, нужно изыскать возможность вложить ему в рот бумажку с символом «тав», последней буквой алфавита, – вместо «оживляющего» «алефа».

Смирнов отодвинулся от компьютера и с нескрываемым торжеством посмотрел на Дымина.

– Ну, как тебе это?

– По-моему, ты попал на след. Причем в первый же день.

– Следом это назвать трудно. Однако зацепка имеется. Если окажется, что эта закорючка на бумажке – «тав», то станет более или менее ясно, на чем основывается наш убийца.

Дымин кивнул:

– Вот только Марухин – не Голем, а человек. В смысле, был человеком до того, как его прикончили.

– Все зависит от точки зрения, – возразил Смирнов. – Если убийца считал, что у жертвы нет души, то Марухин вполне подходил на роль как бы недоделанного человека.

– Для того чтобы составить такое суждение, преступник должен был следить за ним или знать лично. Может быть, они общались каждый день, например на работе.

– Или он просто слышал о Марухине от кого-то. Вероятнее всего, не раз.

– То есть обсуждал его с кем-то?

– Не обязательно. Мог просто присутствовать при чужих разговорах.

– Надо выяснить, что за фрукт был этот Марухин, – предложил Дымин.

– Да, возможно, ключ к мотивам убийцы – в личности жертвы.

– Я этим займусь. Возьму пару ребят, и вместе мы опросим всех его знакомых и сослуживцев. К завтрашнему вечеру постараюсь составить для тебя его портрет. Не психологический, конечно, а просто на основе мнений.

– Возможно, его убил один из тех, с кем вы будете разговаривать, – заметил Смирнов. – Так что внимательно слушайте: вдруг кто-то попытается что-то скрыть или исказить его личность.

– Типа, если все скажут, что Марухин был бездушной сволочью, а один начнет признаваться ему в пламенной любви, то это наш клиент? – усмехнулся Дымин.

– Не обязательно. Но вполне возможно. Во всяком случае, такого человека мы сразу возьмем на заметку, ясно?

Опер кивнул:

– Конечно. Давай проверим символ.

– Ладно. Я введу в поиске «Тав», посмотрим, что вылезет. Ага, двадцать вторая буква еврейского алфавита, начертание... Бинго! – торжествуя воскликнул Смирнов, не удержавшись. – Это никакое не «П», это знак, который убивает Голема.

– Точняк! – восхищенно протянул Дымин, сравнивая изображение на экране с тем, которое было на ксерокопии. – Слушай, а ведь мы уже сейчас можем сузить круг подозреваемых.

– Каким образом?

– Судя по всему, наш убийца – еврей!

Оба полицейских прыснули.

– Дурень! – сказал Смирнов. – У нас на руках труп и псих, который почти наверняка начитался Майринка, а ты прикалываешься!

– Стой! – посерьезнел вдруг опер. – Начитался, говоришь? А ведь ты, может, прав. Вряд ли на убийцу произвела впечатление легенда о Големе сама по себе. А вот если он узнал о ней из романа...

– Да, это вполне вероятно, – согласился Смирнов. – Вот только это тоже вряд ли поможет нам сузить круг подозреваемых.

– Да, шансов мало, но кое-что сделать можно.

– Проверить библиотеки?

– Благо они сейчас все переведены в компьютерную базу.

– Ладно, поручи кому-нибудь узнать, кто брал роман Майринка, а заодно и другие книги о Големе в течение последних... ну, скажем, двух лет. Вряд ли человек решился на убийство сразу по прочтении, но и за более долгий срок он уже, я думаю, перегорел бы.

– Я скажу Павлову, чтобы проверил библиотеки. Но сначала сделаю подборку книг о Големе.

– Хорошо, – согласился Смирнов. Он чувствовал, что дело пошло. – Если убийца заикнулся на Големе, он должен был изучать его. Как я понял, процесс оживления основан на кабале. Включи ее в список тех, которые Павлову придется просмотреть.

– Лады, сделаю. Что еще?

– Пока, наверное, все. Так сразу ничего в голову не приходит. Завтра Тумарин пришлет анализ глины. Будем надеяться, ему удастся установить, откуда она.

Дымин кивнул.

– И никакой консультации с профессором не надо, – добавил он. – Если есть Интернет.

– Нет, с Викандровым я завтра все равно встречу, – покачал головой Смирнов. – На всякий случай. Такие люди всегда знают то, что ты нигде не прочитаешь.

– Это точно! – усмехнулся Дымин. – Помню, у нас на третьем курсе был такой...

– Думаю, на сегодня хватит, – перебил его Смирнов. – Воспоминания оставь на потом. А я лично поеду домой отсыпаться.

– А я составлю список, перешлю его Павлову и тоже свалю, – пояснил опер, ничуть не обидевшись.

– Тогда до завтра.

– Давай.

Выйдя из участка, Смирнов сел в машину, но сразу заводить мотор не стал. Вместо этого, он достал лекарство от никотиновой зависимости и проглотил таблетку, запив из пластиковой бутылки, которую для подобных случаев всегда держал в бардачке. Посидел минуты две, обдумывая то, что они с Дыминым только что выяснили. Везет же ему на психов! И что они так облюбовали его родной район? Всего два года назад он раскрутил дело психа, потрошившего людей, и вот теперь ему, судя по всему, придется столкнуться с новым кошмаром. Впрочем, возможно, это единичный случай и убийца просто канет в Лету. Так бывает чаще всего. Но интуиция подсказывала следователю, что смерть Марухина – только начало. Что человек, уничтожающий Големов, не остановится на одном трупе, он будет продолжать. Возможно, он вообразил себя мессией, который должен очистить мир от «недочеловеков», лишенных души, или что-нибудь еще, но то, как было обставлено убийство, пахло идеей фикс. Это чувствовалось за версту.

Смирнов нашел в мобильнике контакт Ревейко. Отлично, рано или поздно он ему пригодится. Давно полицейскому не приходилось звонить криминальному психологу – с того самого

расследования два года назад. Но сейчас еще не время. Вот когда Павлов обработает записи библиотек, опера опросят знакомых Марухина, а Тумарин пришлет анализ глины – тогда пойдет речь о психологическом портрете убийцы.

Спрятав телефон, Смирнов завел мотор и поехал домой. В воскресенье он ничего больше сделать не мог. Понедельник отводился на сбор и обработку информации. Настоящее расследование начнется во вторник утром – когда в его распоряжении будут все данные.

Глава 2. Понедельник

Смирнов никак не думал два года назад, что с таким энтузиазмом возьмется за расследование подобного убийства. Ему казалось, что он уже хлебнул картин жестокостей и насмотрелся на людей, мотивировавших свои поступки бредовыми и навязчивыми идеями.

Однако дело Голема, как он назвал его про себя, захватило его. Поэтому в понедельник утром он съел на завтрак хорошо прожаренную яичницу с куском ржаного хлеба, выпил чашку горячего кофе и сразу поехал в участок. Там Смирнов первым делом позвонил Тумарину и поинтересовался, выяснил ли он состав глины.

– Нет еще, – пробормотал тот, явно борясь со сном. – Я только что пришел.

– Когда будут результаты? – резко спросил следователь.

– После обеда, не раньше. Ты же хочешь, чтобы я проверил, где есть похожие залежи?

– Хочу.

– Тогда жди.

– Давай быстрее. Просыпайся, уже рабочий день начался.

– Как только, так сразу! – буркнул Тумарин и повесил трубку.

Смирнов набрал номер Дымина.

– Привет! – произнес он, едва услышал голос опера. – Ты кому поручил опрашивать знакомых Марухина? Никитину и Зулину? Отлично. И как у них успехи? Вчера что-нибудь выяснили? А, ну да, я и не сообразил. Ну ладно, пусть сегодня опросят всех оставшихся. Да, всех! Перешли мне пока то, что есть. Ну и что, что мало. Жду!

Отключившись, Смирнов достал таблетку от никотиновой зависимости и положил в рот. Почти все свидетели были вчера на даче, опросить удалось только жену убитого и его родителей.

Минут через десять зазвонил факс.

– Да? – Смирнов поднял трубку, зная, что это Дымин.

– Стартую, – доложил тот.

– Давай.

Следователь нажал зеленую кнопку, и из факса медленно начал выползать лист с рукописным текстом. Смирнов оторвал его и принялся читать, с трудом разбирая каракули опера. Затем отложил бумагу и задумался. Если верить словам жены и родителей, Марухин был гением. Окончил школу на год раньше, поступил в университет на биолого-почвенный факультет, учился на кафедре генетики, блестяще защитил докторскую, потом стал самым молодым профессором, писал статьи, его авторству принадлежат две монографии на тему новейших методов генной терапии. Был хорошим семьянином, хотя часто отсутствовал дома по причине многочисленных командировок. Читал лекции в Берлине, Вене, Париже, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Барселоне, Мадриде и так далее. Мировая знаменитость, одним словом. Восемнадцать лет назад организовал в НИИ лабораторию, которая почти сразу получила от известной зарубежной фармацевтической фирмы грант на изучение способов коррекции генных мутаций путем генной инженерии. Регулярно публиковались отчеты, в которых объявлялось об успешном лечении врожденных изъянов.

Как человек Марухин был отзывчивым, трудолюбивым, целеустремленным. Почти все время посвящал работе. Иногда до ночи засиживался в университетской лаборатории.

Смирнов пометил для себя, что это, а также частые командировки профессора требуют проверки. Сколько раз оказывалось, что за трудолюбием и самоотверженностью скрывалась страсть к молоденьким девчонкам? Притча во языцех! Был ли Марухин таким страстным приверженцем генной инженерии или нет – это нужно было выяснить. Конечно, едва ли любовница могла забить ему рот глиной и вложить записку со знаком «тав», тем более проделать

это у него дома, после чего засунуть труп в холодильник; но, с другой стороны, кто знает, с кем он путался? В принципе ничего невозможного для женщины в почерке убийцы не просматривалось. И пытки, и мотив бездушного истукана – все это вполне укладывалось в месь брошенной или обманутой любовницы. Так что прояснить обстоятельства жизни убитого было необходимо. Он набрал номер Дымина.

– Вот тебе еще задание, – сказал он, едва услышав голос опера.

– Господи, у тебя что, гон?!

– Записывай.

– Запомню.

– Надо выяснить, действительно ли Марухин ездил в те командировки, о которых рассказала жена. И чем он занимался, когда засиживался на работе.

– Понял. Ищем интрижку?

– Ее.

Дымин вздохнул.

– Ладно, еще что-нибудь?

– Пока нет.

Отключившись, Смирнов нашел в Интернете роман Майринка и скачал его себе на компьютер. Если это самое известное произведение о Големе, оно не могло пройти мимо убийцы. Заодно следователь загрузил каббалу – он понимал, что вникать в это учение некогда, но надеялся отыскать там какие-нибудь упоминания о ритуале создания глиняного человека.

До пяти было еще много времени, и Смирнов открыл файл с романом.

Когда уже пора было ехать на встречу с Викандровым, следователь едва сумел оторваться от произведения Майринка. Готическое очарование мистического романа захватило его. Он представлял себе пейзажи старой Праги, ее темные улочки и мрачные чердаки.

Следователь сел в старенький «мицубиси» и поехал в университет. Продемонстрировав на проходной удостоверение, выяснил, как пройти на кафедру. Но найти дорогу оказалось не так-то просто: пришлось раза три спрашивать студентов, потому что здание представляло собой настоящий лабиринт коридоров, переходов и лестниц. Наконец Смирнов постучал в дверь с табличкой, на которой была написана фамилия профессора.

– Да-да, – раздался в ответ хорошо поставленный мужской голос.

Открыв дверь, следователь увидел полного мужчину в песочного цвета костюме и темно-синем галстуке. Он был лыс, на носу сидели очки в черной пластмассовой оправе.

– Старший лейтенант Смирнов, – представился полицейский, продемонстрировав удостоверение.

– Садитесь. – Профессор указал на стул перед своим столом. – Что конкретно вас интересует? Ваш коллега сказал, вам требуется консультация, но я не очень понял, какая именно.

Смирнов объяснил, что расследует убийство, в котором фигурируют красная глина и записка со знаком «тав» – явные отсылки к легенде о Големе.

– Я, конечно, покопался в Интернете, – пояснил полицейский, – но это не то же самое, что послушать знающего человека. Так что, Максим Юрьевич, надежда на вас.

– Не преувеличивайте! – усмехнулся Викандров. – В наше время и профессор может кое-что почерпнуть из Интернета.

– Правда? – искренне удивился Смирнов.

– Ну конечно. А почему нет? Информации много, и, чтобы ее найти, никуда ходить не нужно. По-моему, очень удобно. Лично я Сетью пользуюсь регулярно.

– Понимаю вас, – кивнул следователь. – Нам вот тоже приходится.

– Итак, сама легенда вам, как я понимаю, известна, – продолжил профессор, возвращаясь к главной теме. – Нужны детали?

– Скорее я бы послушал ваше личное мнение. Так сказать, точку зрения исследователя. Что все это может значить? Горло убитого было забито красной глиной, в рот засунута бумажка со знаком «тав». Труп нашли в холодильнике. Вряд ли это важно, но я рассказываю это для полноты картины.

– Господи, что за ужас! – покачал головой Викандров. – Знаете, не так-то легко с ходу что-то сообразить. Дайте поразмыслить. – Он открыл ящик стола и достал пачку «Далласа». – Курите, если хотите.

– Спасибо, я бросил.

– Похвально. Давно?

– Три месяца как.

– Держитесь нормально?

Смирнов пожал плечами:

– Когда как.

Викандров неопределенно хмыкнул и закурил. Он затаился раза три, глядя в стол, потом засопел и поднял глаза на следователя.

– Значит, так. Что можно предположить... Человек, вернее, убийца полагает, что кто-то является Големом. Чтобы его уничтожить, он кладет ему в рот записку с последней буквой еврейского алфавита – как и положено, если верить легенде. Красная глина должна, очевидно, означать, что погибший был Големом. Значит, прежде всего следует выяснить, чем руководствовался преступник.

– Что вы имеете в виду? – спросил Смирнов, потому что Викандров замолчал, сосредоточенно стряхивая пепел в керамическое блюдо.

– Считал ли убийца, что его жертва – настоящий глиняный истукан – и в таком случае вы имеете дело с сумасшедшим, – или же он вкладывал в глину и записку символическое значение? Если верно последнее, то преступник мог приписывать убитому такие черты, как черствость, бесчеловечность, бездушие. Хотел ли он наказать его именно за это или это была личная месть – тоже вопрос, на который нужно найти ответ. Впрочем, я уверен, что вскоре он сам вам все объяснит.

– В каком смысле? – опешил Смирнов.

– Я не криминалист и не психолог, – пожал плечами профессор, – но фильмы про маньяков смотрю, как и большинство. Судя по глине и записке, вы имеете дело с убийцей, для которого важно, чтобы люди, так сказать общество, понимали, почему он так поступает. То есть он ищет себе оправдание. Наверняка преступник убежден, что своими действиями он восстанавливает справедливость. Если это дело личное, то вам будет проще, потому что в таком случае убийца почти наверняка из окружения жертвы. Если же он выбирает жертву исходя только из ее личностных качеств...

– Постойте, Максим Юрьевич! – перебил профессора Смирнов. – Мы что, уже говорим о серийном убийце? Ведь убили только одного человека.

– Вы уверены? Может, вы просто еще не знаете об остальных. Ну и кроме того, кто мешает вашему преступнику убить вновь?

– Почему вы так уверены, что должны быть еще жертвы?

– Потому что, когда человек начинает мстить, он постепенно входит во вкус и заканчивает тем, что ищет виноватых даже там, где их нет. Впрочем, поймите меня правильно: лично я надеюсь, что больше никто не погибнет. Просто в это слабо верится. Вы со мной не согласны? – Профессор внимательно посмотрел на Смирнова.

– Вообще-то такие опасения у меня есть, – нехотя признал тот.

– Ну вот видите, – согласился Викандров. – Так что, если будут еще жертвы, постарайтесь установить, есть ли между ними хоть какая-то связь. Может, они ходили к одному парикмахеру

или лечили зубы у одного дантиста. Впрочем, – смущенно спохватился профессор, – кого я учу, верно?

– Верно, – не стал спорить Смирнов. – Все, что вы говорите, Максим Юрьевич, правильно, вот только я бы предпочел арестовать преступника раньше, чем он еще кого-нибудь убьет.

– Само собой, – согласился Викандров, туша сигарету в блюдце. – Могу вам помочь еще чем-нибудь?

– Я так понял, что некий раввин создал истукана для защиты Пражского гетто, – продолжил Смирнов. – Но тот восстал против него и убил.

– Это сюжет романа Майринка, – проговорил профессор. – Но описанный в нем способ оживления и умерщвления Голема – не единственный. Можно еще написать на лбу истукана имя Бога, а чтобы убить его – стереть. В принципе он более логичный, потому что его легче исполнить. Сами понимаете, не так-то легко засунуть бумажку в рот восставшего против тебя Голема.

– Но наш убийца выбрал именно такой способ. Очевидно, потому, что у него подобных сложностей не было: он сначала убил, а потом уже, так сказать, оформил.

– Нельзя ли поподробнее узнать о том, как именно он «оформил» преступление, – попросил Викандров. – Я понимаю, что это, скорее всего, против правил, но, может, какая-нибудь подробность наведет меня на мысль... – Он замолчал и неопределенно помахал рукой.

– Думаю, ничего страшного, – произнес Смирнов, – не случится, если я вам расскажу. Только прошу об этом не распространяться.

– Буду нем как рыба.

– Жертву пытали.

– Это хотя бы был мужчина? – перебил Викандров.

– Да.

– Извините. Просто для полноты картины.

– Так вот, его усыпили хлороформом, связали проволокой и пытали. Резали и ломали обрезком трубы суставы. Затем забили рот глиной, и он задохнулся.

– Знаете, я понимаю, что вы пришли за консультацией по поводу мифологической составляющей, – сказал профессор, – так что простите мое любопытство, но я не могу себе отказать в возможности порассуждать. Не каждый день к тебе приходит следователь, ловящий убийцу, да еще такого... необычного.

– Пожалуйста, – разрешил Смирнов.

– Просто я подумал, что раз этого человека пытали, то, возможно, хотели что-то узнать.

– Или просто причинить боль, – вставил Смирнов.

– Конечно. Но если из него выбивали информацию, то о чем? В случае мести, вероятно, о подробностях дела – я имею в виду тот случай, когда убитый кому-то насолил, если это вообще имело место – или о... сообщниках.

– То есть о будущих жертвах? – догадался Смирнов.

Викандров пожал плечами:

– Наверное, я смотрю слишком много детективов.

– Ничего, продолжайте. Я с вами согласен.

– Да?

– Я пришел к тем же выводам.

Профессор заметно приободрился.

– Я только хотел сказать, – проговорил он, – что, если будет еще труп, но на нем не окажется следов пыток, значит, преступник выяснил все, что хотел. И еще: в таком случае он мстит за себя или за кого-то из близких.

– Потому что лишь в этом случае жертвы окажутся знакомы, – продолжил профессорскую мысль Смирнов.

Рассуждения Викандрова полностью подтвердили его собственные умозаключения. Это было хорошо. Плохо было другое: без второго трупа нельзя было продвинуться дальше.

– Мне очень жаль, – сочувственно произнес, глядя на полицейского, профессор.

– Почему? – резко спросил Смирнов.

– Потому что вам, наверное, все-таки придется расследовать не одно убийство.

Он словно прочитал мысли следователя.

– Спасибо, Максим Юрьевич, – проговорил Смирнов, вставая. – Вам есть что еще добавить?

Профессор развел руками.

– Боюсь, не очень-то вам помог. Наверняка вы рассчитывали на что-то другое.

– В нашем деле никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – уклончиво заметил Смирнов. – В любом случае спасибо.

Попрощавшись с профессором и в целом удовлетворенный беседой, следователь вернулся в управление. Усевшись в своем кабинете, он достал пару бутербродов с докторской колбасой и тонкими ломтиками голландского сыра и перекусил, прихлебывая обжигающий чай с лимоном. Затем набрал номер Тумарина.

– Алло, это Смирнов. Есть чего?

– Я выяснил, что это за глина.

– Ну?

– Вам понравится результат.

– Хорош цену набивать! Давай по сути.

– Ладно, как скажете. – Казалось, Тумарин слегка обиделся. – Цвет глина приобретает благодаря содержанию оксида железа и меди. В ней содержатся также различные минералы, название которых сами по себе вам ничего не скажут. Но в зависимости от того, сколько всего этого содержится в глине, можно определить месторождение, откуда она взята. Я связался с геологами, они подняли свою базу данных, и – вуаля! – оказалось, что глина, которая была во рту убитого, взята из карьера в сорока километрах от Питера. Адрес и даже план проезда я вам пришлю по электронной почте.

– Да, присылай все, что есть, – быстро распорядился Смирнов. – Это точная информация? Я имею в виду, насчет того, откуда глина.

– На девяносто процентов, но точнее вам никто не скажет. Конечно, может, человек накопал ее у себя на участке или прямо в городе – там, куда ее выгрузили, привезя с карьера. Но в таком случае я вам не помощник.

– А можно выяснить, куда в последнее время привозили глину с этого карьера?

– Думаю, да. Только это не ко мне, а к строительным фирмам.

– Понял. Жду адрес карьера.

– Дайте мне минуту.

Тумарин продиктовал адрес, вернее, указания, как добраться до места добычи глины. Смирнов поблагодарил, повесил трубку и откинулся на спинку кресла – надо было все обдумать. Конечно, можно съездить и на карьер, но что это даст? Наверняка это огромная площадь, ни о чем не говорящая тому, кто оказался там впервые и даже не знает, что к чему. Следователь вдруг сообразил, что есть способ проще. Он зашел в Интернет и отыскал телефон конторы, ведающей выработкой глины из карьера. Затем снял трубку и набрал номер. Через четыре гудка раздался резкий мужской голос:

– Да?

– Это карьер? – на всякий случай уточнил Смирнов.

– Да-да, в чем дело?

– Говорит старший лейтенант Смирнов из РУВД, – представился полицейский. – Скажите, у вас не происходило никаких происшествий? Я имею в виду в последнее время.

Возникла пауза. Затем мужчина на том конце провода спросил:

– А вы разве не знаете?

– О чем? – насторожился Смирнов.

– Полиция приезжала сегодня утром. Забрала тело, и показания у нас брали.

– Какое тело? – почти крикнул следователь. – Чье?

– Не знаю. Слушайте, мне надо идти, я не могу сейчас разговаривать. Вам лучше обратиться в местный отдел полиции.

В трубке щелкнуло, и раздались короткие гудки. Выругавшись, Смирнов узнал по справочнику телефон местного отдела и позвонил.

– Старший лейтенант Смирнов, РУВД, – сказал он резко. – К вам поступал труп мужчины с глиной в горле и запиской во рту? – Полицейский действовал наугад, но ему нужно было продемонстрировать свою осведомленность.

– Поступал, – ответил дежурный. – Сегодня утром. А-а...

– Кто ведет следствие? – перебил Смирнов.

– Да пока никто вроде. Должны следака прислать из...

– Я уже еду! – торжествующе объявил Смирнов и бросил трубку.

После этого он тут же направился к Петровичу и изложил обстоятельства дела. Начальник выслушал внимательно, время от времени качая головой.

– Значит, все-таки серия? – проговорил он с досадой, когда Смирнов замолчал.

– Видимо, так.

– Придется тебе опять постараться, а?

– Что поделать, – улыбнулся следователь. – Такая работа.

– Ладно, поезжай, все там выясни. Распорядись, чтобы тело забрали и отдали Тумарину.

Словом, бери все под свой контроль.

Именно этого Смирнов и хотел.

– Может, труп что-нибудь прояснит, – выразил надежду Петрович.

– Хорошо бы, – согласился следователь.

Выйдя из кабинета начальника, он сразу спустился и сел в машину. Дорога заняла больше часа, и, когда наконец Смирнов добрался до местного отдела, его уже встречали. Петрович уже успел позвонить и все уладить, так что Смирнову осталось только представиться и пожать руки местным стражам правопорядка.

– Известна личность убитого? – спросил Смирнов начальника отдела по фамилии Тарский. Тот был тучным мужчиной с лысой макушкой и коротко стриженными усами. На щеке у него темнело родимое пятно размером с пятирублевую монету.

– Липин Ярослав Сергеевич, – проговорил он, беря короткими пальцами лежавший на столе листок. – Проживал в Питере, на проспекте Космонавтов. Работал в роддоме акушером. Тридцать девять лет, не женат, детей нет.

– Как удалось выяснить личность? – поинтересовался Смирнов.

– У него в кармане паспорт лежал.

– Он был одет?

– Нет, шмотки рядом валялись, связанные в узел.

– Что с кошельком?

– На месте, но пуст.

– Следы пыток?

– На лодыжках и запястьях проволока.

– Это все?

Тарский кивнул.

– Патологоанатом успел осмотреть труп?

– Да, но по-быстрому.

– Ладно. Я вызову машину, чтобы его забрали.

– Не вопрос.

Тарский явно был доволен тем, что это дело, очевидный глухарь, забрали из его отдела.

– Кто обнаружил тело?

– Оператор экскаватора.

– Показания сняли?

– А то. Нужны?

– Давайте.

Тарский достал из шкафа папку и протянул Смирнову.

– Тут все, – сказал он.

– Спасибо. – Следователь достал листок, подписанный Юрием Валентиновичем Ясиным, и быстро пробежал глазами. – Вроде ничего необычного, – заметил он. – Копал и откопал.

– Труп был только слегка присыпан глиной, – пояснил Тарский. – Его явно не пытались спрятать.

Смирнову было ясно, что убийца хочет, чтобы полиция шла по следу и находила его жертвы. Значит, должно быть указание, где искать следующий труп.

– В руках у Липина что-нибудь было?

– Нет.

– Можно посмотреть его вещи?

– Пожалуйста. Суханов проводит. – Начальник отдела снял трубку и вызвал одного из оперов. – Покажи старшему лейтенанту шмотки этого жмурика, – приказал он высокому худому парню лет двадцати трех, вошедшему через пару минут в кабинет.

– Есть, – кивнул тот.

Смирнов поблагодарил Тарского и вышел вслед за опером.

– Суханов, – протянул тот руку, едва оба оказались в коридоре. – Вам дали дело?

– Ага. Мне.

– Ясно. Не повезло.

– Не говори.

Опер провел Смирнова в помещение, где хранились вещдоки, – узкую кладовку с зарешеченным окошком под самым потолком. На стене висела лампочка без плафона. Щелкнув выключателем, Суханов снял с верхней полки большую коробку и поставил перед следователем:

– Вот все, что было.

Смирнов поднял крышку и вытащил куртку из синтетической ткани, белую футболку с принтом (вид Нью-Йорка), синие джинсы, носки, семейные трусы, свернутый брезентовый ремень, изрядно потрепанный, а также в отдельном целлофановом пакете то, что было в карманах. Но прежде, чем заняться личными вещами покойного, Смирнов тщательно прощупал и осмотрел подкладку на одежде. Затем открыл пакет и высыпал его содержимое на стол.

– Все как у всех, – проговорил наблюдавший за его действиями Суханов. – Сигареты, зажигалка, носовой платок, кошелек. Мужика, кстати, грабанули.

Смирнов открыл портмоне и проверил все отделения. Пусто. Он бегло просмотрел паспорт и отложил его в сторону. Заглянул в пачку с сигаретами (там было еще пять штук), щелкнул газовой зажигалкой. Одноразовой. Затем развернул носовой платок. Он оказался чистым, без монограмм (что, конечно, неудивительно).

– Вот единственная странность во всем наборе. – Суханов указал на тоненькую брошюру с видом какой-то церкви на обложке.

Смирнов взял ее и развернул. Трижды сложенный проспект о работе Троицкого монастыря. Никаких пометок, только набранный и отпечатанный текст с картинками. В конце – адрес.

– Что нашла бригада там, где было обнаружено тело? – спросил следователь, сложив вещи обратно в пакет.

– Отчет в кабинете, – ответил Суханов. – Могу отксерить.

– Давай. Это я прихвачу с собой.

Смирнов взял коробку, и они с опером отправились к следователю в кабинет.

– Я расписочку пока составляю, – проговорил Суханов, протягивая следователю отчет бригады, забиравшей тело. – Насчет вещдоков.

– Ага, – согласился Смирнов, беря листки.

Он сел в кресло и принялся читать. Опер тем временем устроился за компьютером, чтобы набрать расписку с перечнем переданных Смирнову вещей убитого.

В отчете было указано, что тело находилось под тонким слоем глины на склоне карьера – там, где велись самые активные работы. То есть его должны были сразу же обнаружить – как и случилось. Смирнов с удовлетворением отметил, что оказался прав: преступник хочет, чтобы полиция следовала согласно его указателям и легко находила тела.

Рядом с телом были обнаружены смазанные следы ботинок с рифленой подошвой (фотография рисунка прилагалась, был также сделан слепок). Размер установить не удалось. Судя по всему, владелец ботинка поднимался по склону и поскользнулся. Другие следы отсутствуют: убийца вылил на глину большое количество воды, которая все смыла, кроме одного отпечатка.

Возле карьера обнаружены следы шин автомобиля «Волга». Там же следы вылитой воды. В кустах найдены два пустых пластиковых бака объемом по сорок литров. Видимо, в них и была привезена вода, которую использовали для уничтожения следов.

Отпечатки шин теряются через триста двадцать два метра – когда «Волга» выбралась на шоссе. Там еще были заметны следы глины, оставшейся на покрышках, но через семьдесят четыре метра они стали неразличимы. Кроме того, там довольно оживленное движение, так что все, что было, стерлось еще до прибытия бригады.

Смирнов отметил про себя, что опергруппа неплохо поработала. Он протянул листки Суханову:

– Скопируй, пожалуйста.

– Конечно, – сказал тот, забирая отчет.

Смирнов достал мобильник и набрал номер Павлова.

– Привет, как дела?

– Валер, я собрал информацию по библиотекам. Тут семнадцать человек, плотно интересовавшихся Големом в последнее время.

– Оставь в управлении, заеду – заберу. Слушай, есть еще дело.

– Давай.

Смирнов кратко обрисовал ситуацию.

– Значит, все-таки серия, – подвел итог опер, выслушав про второй труп.

– Да. Так что надо забрать вещдоки. И вызови машину для тела. Пусть его доставят Тумарину.

– Ладно, сейчас сделаю.

– Одну коробку с вещами убитого я заберу сам, но тут есть еще две канистры. Займись ими, пожалуйста. Надо выяснить, откуда они.

– Понял. Все организую.

– Ладно, давай.

Повесив трубку, Смирнов взглянул на Суханова. Тот протянул ксерокопию отчета и распечатанную расписку. Следователь пробежал ее глазами и поставил свою подпись. Затем он отнес коробку с вещами в машину, а сам вернулся в кабинет Тарского.

– Все посмотрели? – осведомился тот.

– Да, спасибо. Ваши ребята не проверяли, видел ли кто-нибудь поблизости от карьера «Волгу»? – спросил Смирнов.

– Еще не успели. Хотели сегодня этим заняться, но тут появились вы.

– Проверьте, ладно? Вам это будет сделать удобнее.

Тарский захрипел, но согласился:

– Сделаем. Вот только знать бы, когда она там стояла.

– Патологоанатом определит время смерти, и будем плясать от этого. Я вам сообщу.

– Лады, подождем.

– И пусть ваши парни заодно узнают, не было ли кого поблизости от карьера раньше. Теперь уже ясно, что глина, найденная в горле первой жертвы, взята отсюда, значит, преступник приезжал на карьер, чтобы взять ее. Его могли заметить.

– Понятно. Будем работать, – сказал Тарский.

– Еще раз спасибо. – Смирнов поднялся.

Они с начальником отделения обменялись рукопожатиями, и следователь вышел на улицу. Сев за руль, он минуту посидел, раздумывая, а затем набрал на мобильнике номер Дымина.

– Алло, здорово. Ты уже знаешь?

– Что нам опять досталась серия?

– Павлов сказал?

– Он самый. Я собрал показания со знакомых Марухина, они тебя ждут в управлении.

– Отлично, изучу. Слушай, тут такое дело: надо съездить в Троицкий монастырь. Записывай адрес.

– Погодь, возьму бумажку. Все, диктуй.

Смирнов продиктовал адрес.

– А что там делать? – поинтересовался Дымин.

– Думаю, там будет следующая жертва.

– С чего ты взял?

Смирнов объяснил насчет проспекта.

– Я узнаю, не было ли из монастыря звонков в полицию.

– Само собой. Но если труп уже нашли и забрали, все равно съезди.

– Конечно.

– Если все же трупа нет, надо будет обеспечить охрану монастыря.

– Понимаю.

– Я не знаю, кто жертва – монах, или посетитель, или вообще человек, не имеющий к монастырю отношения. Может быть любой.

– Ясно. Если трупа еще нет, будем смотреть в оба. Устроим засаду по всем правилам.

– Я все-таки думаю, что это не понадобится, – мрачно сказал Смирнов.

– Уверен, что тело уже там?

– Если его не забрали.

– Ладно, как только узнаю, позвоню.

– Хорошо, до связи.

Смирнов вырулил на шоссе и поехал в город. По дороге завернул в кафе и перекусил пирожками с кофе, с тоской поглядывая на витрину с сигаретами. Потом отправился в управление. Там Смирнов сдал вещдоки в хранилище, оставив только брошюру и паспорт убитого.

Зазвонил телефон, на экране высветилось «Дымин».

– Да? – отрывисто произнес следователь, прижав трубку к уху. – Ну что?
– Ты был прав. В монастыре сегодня нашли труп. Его уже забрали, но я договорился, что его доставят Тумарину.

– Молодец, – похвалил Смирнов. – А кого убили? И когда нашли тело?

– Жертва – монах. Зовут брат Федор, в миру – Базаров Степан Николаевич. Отвечал за монастырские трапезы.

– Повар, что ли?

– Нет, просто ведал столовой. Сам не готовил.

– Ясно.

– А тело нашли около часа назад. Решили изменить меню к обеду, стали искать, чтобы согласовать, и обнаружили, что монах пропал. Из монастыря при этом не выходил. Ну, сначала удивились, потом испугались: вдруг плохо стало где-то человеку?

– Я так понимаю, утром его видели живым?

– Видели. И после завтрака тоже. Так что убили его между одиннадцатью и двумя.

– И где нашли?

– В кустах, за складом с садовым инвентарем.

– Глухое место?

– Пока не знаю. Еще не доехал до монастыря. Как огляжусь, позвоню.

– Не знаешь, нашли что-нибудь на теле? В смысле, следующее указание.

– Мне сказали, что в руке монах держал бумажку с какой-то иллюстрацией. Но ее ему явно просто вложили.

– Что на иллюстрации, спросил?

– Естественно.

– И?..

– Мужик в колеснице.

– Что?

– Мужик в колеснице. В доспехах.

– А откуда иллюстрация?

– Понятия не имею.

– Узнай.

– Ладно.

– Давай, жду звонка.

Убрав мобильник, Смирнов придвинул листки с отчетами Дымина и Павлова – опера оставили их ему на столе. Изучив их, следователь позвонил Павлову.

– Слушай, прочитал твой список. В принципе не удивлен. Кто еще станет копаться в этой теме, кроме студентов и ученых. Спасибо, кстати, что сразу выяснил их личности.

– Не за что. Я же знал, что ты все равно заставишь это сделать, – усмехнулся Павлов.

– Можешь теперь проверить, кто из них чем занимался в течение последних двух дней? Особенное внимание – с одиннадцати до двух сегодняшнего дня. Это время смерти третьей жертвы.

– Что, уже и третья есть? – поразился опер.

– Да.

– Где? Кто?

Смирнов пересказал Павлову то, что узнал от Дымина.

– Вот гад! – возмутился тот. – А мне даже не сказал. Я-то ему насчет мужика в карьере сразу позвонил, – добавил он с обидой.

– Ладно, не хнычь! – оборвал его Смирнов. – Проверь любителей чтения, а я пока съезжу в университет, где работал Марухин, поговорю с его коллегами. Что-то больно разные мнения

насчет этого товарища собрал Дымин. Одни говорят, что беспринципная мразь и пойдет по головам, другие – что истинный ученый и жизнь положил на алтарь науки.

– А что, одно другому мешает?

– Разве нет?

– По-моему, не обязательно.

– Ну вот я и уточню. Кроме того, хочу познакомиться со всей этой компанией лично. Ты же помнишь наш главный принцип при расследовании мокрух?

– Искать в ближайшем окружении жертвы?

– Ага.

– Ладно, шеф, действуй.

Попрощавшись с опером, Смирнов отправился в НИИ, где работал Марухин. Показав на проходной удостоверение, он прошел к директору института и объяснил, что хочет поговорить с коллегами погибшего.

– У нас уже была полиция, – сообщил тот. Это был плотно сбитый мужчина с хорошей осанкой и холеным круглым лицом. Смирнов задержался взглядом на значке, видневшемся на лацкане директора: золотой факел в лавровом венке. Звали директора Калужников Леонид Юрьевич. – Ваши коллеги всех опросили, включая меня.

– Знаю, – сказал Смирнов. – Читал протоколы бесед. Но так и не составил представления о Марухине, если честно. Все говорят разное.

Директор понимающе улыбнулся:

– Ничего удивительного. Люди подобные Марухину, как правило, вызывают противоречивые эмоции: от зависти до восхищения.

– Вот-вот.

– Это нормальная ситуация. Если хотите знать мое мнение, Марухин был предан своему делу, действительно посвятил ему свою жизнь и того же требовал от других. Он не понимал, как человека может интересовать что-то, кроме работы. Отсюда и проблемы с окружающими.

– Не все разделяли его фанатизм?

– Конечно.

– Он ссорился с коллегами?

– Нет. В лаборатории, которой он руководил последние годы, подобрался коллектив, который Марухина вполне устраивал. Такие же увлеченные исследователи, как и он. Конечно, возникали разногласия, но ничего серьезного.

– А с кем он конфликтовал?

– Да со всеми. Но это мелочи, из-за которых не убивают.

– Ничего принципиального?

Директор покачал головой:

– Насколько мне известно, нет. Но вам лучше поговорить об этом с коллегами Марухина.

Я так понял, что не все отозвались о нем лестно?

– Это как посмотреть. В его профессиональных качествах никто не сомневается.

Директор хмыкнул:

– Ну еще бы!

– А вот что касается человеческих... – Смирнов, вместо продолжения фразы, пошевелил пальцами.

– Понимаю. У Марухина был тяжелый характер.

– Чем вообще занималась его лаборатория?

– Новыми подходами к генной терапии.

– Что это значит?

– Думаю, вам лучше поговорить с Юрой Самсоновым. Он был, так сказать, правой рукой Марухина.

– Где мне его найти?

– В лаборатории. Двадцать шестой кабинет, если не ошибаюсь.

Попрощавшись с директором, Смирнов отправился искать Самсонова. Он оказался на месте. Мужчина лет пятидесяти, черные волосы с проседью, аккуратно подстриженные, гладко выбрит, в очках с массивной оправой. Следователь сразу вспомнил, что где-то читал, будто такую выбирают те, кому есть что скрывать. Или люди, стремящиеся отгородиться от мира. Это, пожалуй, больше подходило ученому.

Смирнов представился и объяснил, что ему нужно.

– Марухин был прекрасным руководителем, – заявил Самсонов твердо. – Жестким и требовательным и, безусловно, преданным своему делу. Генетика много потеряла в его лице.

Смирнов помнил, что примерно такую же характеристику Самсонов дал и в первый раз, когда опросом занимался Дымин.

– Не скажете, чем ваша лаборатория занимается? – Смирнов, достал блокнот. – Хотелось бы составить общее впечатление об... интересах погибшего.

– Интерессах! – фыркнул Самсонов. – Да Марухин только и думал что о работе.

– Понимаю, – кивнул Смирнов.

– Сфера наших исследований сейчас крайне актуальна как в масштабах России, так и в мировых. И наш руководитель был фигурой, определяющей многие тенденции в генетике человека. Он был очень известен и уважаем в научных и медицинских кругах. И, должен сказать, абсолютно заслуженно!

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Смирнов. – Но хотелось бы узнать побольше о работе вашей лаборатории. Генетика действительно так востребована? Просто мне всегда казалось, что это что-то из области отвлеченных наук. Ну вроде философии, что ли. То есть разве генетика применима в таких масштабах на практике? Я, конечно, слышал о генномодифицированных продуктах, но...

– Это совсем другое, – прервал полицейского Самсонов. – Как я уже сказал, мы занимаемся генетикой человека. А вернее, генной терапией. Вы что-нибудь слышали о ней?

– Нет. Так что излагайте попроще, профессор.

– Постараюсь. Видите ли, существуют заболевания, передающиеся по наследству. А иногда они являются результатом случайных или закономерных мутаций. Могу вам сказать, что по статистике почти у сорока из тысячи новорожденных обнаруживаются наследственные болезни. В России каждый год рождается сто восемьдесят тысяч младенцев с генными отклонениями. Причем число подобных заболеваний растет с каждым годом. Например, если в 1956 году науке было известно только семьсот форм, то к 1986-му их стало уже две тысячи. А в 1992-м зафиксировано уже больше пяти тысяч семисот. К счастью, хотя бы некоторые из них можно лечить.

– Это и есть генная терапия?

– Именно. Разрабатываются специальные препараты на основе нуклеиновых кислот, которые корректируют генные мутации. Новая генетическая информация вводится в клетки, что позволяет лечить наследственные болезни. Существуют два основных подхода: либо чужеродную ДНК вводят в зиготу или эмбрион на ранней стадии развития, либо генетический материал поступает лишь в соматические клетки. Но в таком случае он не передается половым клеткам, и следующие поколения не наследуют корректировку. Первый способ, конечно, предпочтительнее, но он осуществим, только если болезнь обнаружена на самых начальных стадиях развития.

– Думаю, я понял, – прервал Смирнов профессора, видя, что тот увлекся любимой темой, и опасаясь, как бы ответ на вопрос не обернулся лекцией. – Я правильно понял: вы делаете лекарства?

– В том числе. Это, так сказать, конечная цель наших исследований.

- Сотрудничаете с фармацевтическими компаниями?
- А как же? Кто же еще оплатит нашу работу?
- Ясно. Мне бы хотелось теперь побеседовать с остальными.
- С теми, кто входил в исследовательскую группу Марухина? – уточнил Самсонов.
- Именно. Сколько всего человек?
- Включая меня – семь.

Смирнов вытащил листок, на котором был распечатан отчет Дымина о беседах с коллегами погибшего.

- Давайте сверим список, – предложил следователь.
- Я, моя жена, Кушекова, Кожин, Викулова, Золина, Бирюков.
- И кто чем занимается? – Смирнов достал блокнот и быстро написал список, оставив место справа. – В самых общих чертах, естественно.

Самсонов вздохнул:

– Я и Люда отвечаем за весь процесс, так сказать. Кроме того, моя жена – вирусолог.

– Вирусолог? – удивился Смирнов.

– Разумеется. После открытия и изучения механизмов трансформации клеток опухолеобразующими вирусами подобные специалисты необходимы в каждой лаборатории, занимающейся генотерапией.

– Ясно. Давайте дальше.

Самсонов продолжил:

– Хорошо. Кушекова – это наша лаборантка. Она готовит посуду, реактивы, убирается и так далее.

Смирнов кивнул, строча в своем блокноте.

– Кожин, младший научный сотрудник, наш техник. Приборы, оборудование – все на нем. Я называю всех по фамилиям, потому что вам, наверное, так удобнее.

– Да-да, спасибо. Инициалы у меня есть.

– Хорошо. Значит, так, кто там дальше? Викулова, старший научный сотрудник, она по образованию фармацевт, так что на ней собственно лекарственные препараты. Золина делает анализы, а Бирюков – это наш химик. Едва ли не большая часть работы зависит от него. Доктор наук, между прочим, – гордо заключил Самсонов.

– Это все, кто работает в вашей лаборатории? – на всякий случай уточнил Смирнов.

– Да.

– Где я могу познакомиться с остальными? Они здесь?

– Да, конечно. Пройдите в соседнюю комнату. – Профессор указал на дверь в смежное помещение.

– Дайте на всякий случай номер своего мобильного телефона, – попросил полицейский. – Вдруг мне понадобится что-нибудь срочно уточнить.

– Пожалуйста.

– Запишите здесь, если не трудно. – Смирнов протянул раскрытый блокнот.

Самсонов старательно вывел одиннадцать цифр, начиная с восьмерки.

Полицейский никогда не заносил номера тех, кто проходил по делам, в память телефона, потому что тогда у него были бы сотни контактов, а большинство из них после окончания расследования были не нужны.

В соседнем отделении лаборатории Смирнов застал двух женщин. Одна была рыжей и полноватой, лет под пятьдесят, ярко накрашенной. Другая – коротко стриженная блондинка с минимумом косметики, зато с кучей браслетов на запястьях. Лет сорока, ухоженная и подтянутая. Обе были в зеленых халатах и перчатках. Они расставляли химическую посуду на белых подносах и при появлении следователя недовольно нахмурились.

– Что за уроды, а? – громко говорила рыжая. – Чертовы алкаши! Это же надо, спереть столько спирта!

– Ума не приложу, как они его вынесли, – отозвалась блондинка.

Смирнов кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

– В чем дело? – отрывисто спросила рыжая, окинув незваного посетителя с ног до головы и явно не удовлетворенная осмотром.

– Старший лейтенант Смирнов, – представился следователь, напустив на себя строгий вид. – Хотелось бы с вами побеседовать.

– Это надолго? – поинтересовалась рыжая, бросив выразительный взгляд на поднос с посудой.

– Пара минут.

– Ладно, давайте.

Блондинка во время диалога не произнесла ни слова, зато не сводила со следователя глаз.

– Как бы вы охарактеризовали покойного? – начал опрос Смирнов. – Знаю, вам уже этот вопрос задавали, но...

– Задавали, не задавали, – раздраженно перебила рыжая. – Давайте быстро с этим покончим, ладно? У нас куча дел.

– Я только за.

– Так вот, Марухин был голова и ради дела был готов пожертвовать чем угодно.

– А вы что скажете? – обратился Смирнов к блондинке, видя, что рыжая высказала все, что хотела.

Та едва заметно пожала плечами.

– Я лично к Александру Викторовичу относилась с уважением, – проговорила она, глядя в пол. – Хотя характер у него был тяжелый.

– Враги у него были?

– Не думаю. – Блондинка взглянула на рыжую, та фыркнула. – Скорее, оппоненты. В научном мире.

– Но их баталии развивались за кафедрой или в прессе, – добавила рыжая. – Из-за разногласий по вопросам генетики не убивают, я думаю.

Смирнов холодно улыбнулся:

– Убивают и не из-за такого, уж поверьте.

– Вам виднее, – легко согласилась рыжая.

– Простите, дамы, но кто из вас кто? – Смирнов улыбнулся, словно извиняясь за свою недогадливость.

– Викулова Виктория Романовна, – назвалась рыжая.

– Золина Зоя Владимировна, – представилась блондинка.

– Можете еще что-нибудь добавить насчет Александра Викторовича?

Женщины ответили отрицательно, и Смирнов, попросив их на всякий случай записать ему в свой блокнот номера мобильных телефонов, двинулся дальше.

В следующей комнате он обнаружил техника. Анатолий Семенович Кожин оказался рыжеватым блондином лет сорока, сутулым, с непропорционально большими руками. Глаза у него были водянистыми, веки воспаленными. На подбородке виднелась узкая полоска щетины, которую он пропустил, когда брился. Техник рассеянно сунул полицейскому ладонь для рукопожатия и предложил выйти поговорить на лестницу.

– Покурим, – сказал он, доставая пачку «Веста».

Дверь из комнаты вела прямо на лестничную клетку, где стояла почти полная окурков банка из-под кофе.

– Охарактеризуйте вкратце Александра Викторовича, – попросил Смирнов, наблюдая за тем, как техник щелкает газовой зажигалкой, пытаясь прикурить.

– Скотина! – кратко заявил Кожин, когда ему это наконец удалось. – Шел по трупам. Никакого представления о морали. Я так и сказал вашему предшественнику.

– Можете привести конкретные примеры? – поинтересовался следователь.

– Сколько угодно, – согласился Кожин и тут же выложил четыре истории о том, как Марухин подставлял, подсиживал и обходил конкурентов. Причем работавших в том же самом НИИ.

Смирнов все аккуратно записал, особенно фамилии.

– Больше ничего? – спросил он.

– Нет, но поспрашивайте тех, кто тут работает подольше. Уверен, они вам и не такое расскажут.

Смирнов уточнил возраст лиц, которые, по мнению Кожина, пострадали от козней Марухина. Оказалось, что самому молодому сейчас пятьдесят семь и живет он уже восьмой год в Канаде.

– Но в любом случае за такое не убивают, – пожал плечами Кожин. Он затушил сигарету о край банки и бросил в нее окурок. – Да еще и так... жутко.

Следующим Смирнов опрашивал Дмитрия Александровича Бирюкова, химика и доктора наук, как сообщил ему Самсонов. Химик был лысым шестидесятилетним крепышом в очках без оправы, его лицо покрывали крупные веснушки. Он разговаривал с полицейским, сидя на табурете и вертя в пальцах огрызок карандаша.

– Сашу знал давно, – говорил он. – Лет двадцать, наверное. Мы вместе и лабораторию эту организовали, персонал набирали. Так что стояли, так сказать, у истоков.

Смирнов уважительно кивнул.

– Ученый он был от Бога, – продолжал Бирюков. – Гений, я думаю. Большая потеря для генетики.

– А как у него складывались отношения с людьми? С коллегами в том числе.

– По-разному.

– Конфликтовал? – осторожно спросил Смирнов.

– Постоянно.

– Что-нибудь серьезное? – Следователь задал вопрос, уже зная, что ему ответят.

– Да нет, так, мелкие дразги. Думаете, его из-за этого убили?

– Нет, – честно признался Смирнов. – Скажите, а как вы испытываете лекарства?

Бирюков усмехнулся:

– Все законно, можете проверить документы. Они у Калужникова.

– Я верю, не подумайте. Но мне интересно, как это происходит.

– Видите ли, генная терапия – наука уже не новая. Не надо думать, что мы ставим какие-то уникальные эксперименты. Тут приходится действовать очень осторожно. Мы работаем с эмбрионами и детьми в возрасте до семнадцати лет. Это наша специализация. Иногда выезжаем, но чаще посещают нас.

– То есть вы лечите детей? Прямо тут? – Ручка замерла в руке Смирнова.

– Ну конечно. И уже много лет.

– Сколько?

– Дайте подумать. Лет шестнадцать.

– Многих вылечили?

– Достаточно.

– Примерно сказать можете?

– Могу точно, но нужно документы смотреть.

– Не надо. Навскидку.

Бирюков осуждающе покачал головой:

– Это же детские судьбы, а вы «навскидку».

- Извините. И все же, сколько вы излечили? Сотню, тысячу?
- Сотни две. Может, немного больше. Некоторые еще проходят лечение.
- Сейчас сколько у вас наблюдается пациентов?
- Это я вам могу сказать точно. Семьдесят четыре.

Смирнов присвистнул.

- Всех удастся вылечить?
- Нет. Но большинство.

Смирнов поблагодарил химика, взял у него номер телефона и отправился дальше.

Людмила Ивановна Самсонова находилась в кабинете, который делила с мужем. Так было написано на двери. Она сидела за компьютером и что-то печатала. Смирнов представился и объяснил, что ему нужно. Вздохнув и с сожалением взглянув на монитор, женщина развернулась и положила локти на стол. На вид ей было столько же, сколько и мужу. Крашенная брюнетка с тонкими, властными чертами лица и ярким макияжем. В ушах – маленькие старомодные серьги с прозрачными камешками.

– Каким был Марухин? – медленно повторила Самсонова. – Дайте подумать. – Она сложила ладони и уткнулась в них лбом.

Пока женщина собиралась с мыслями, Смирнов разглядывал кабинет. Стеллажи, сейф, оргтехника, вентилятор в углу, куча дипломов в рамках, развешанных по стенам. Бросалось в глаза только одно: кубки и медали на разноцветных ленточках, видневшиеся буквально повсюду.

– Кому принадлежат все эти призы? – спросил Смирнов.

– А? – подняла на него глаза женщина, не сразу поняв вопрос. Затем улыбнулась. – Это наших детей. – Она взяла стоящую на столе фотографию в рамке и развернула так, чтобы следователь мог ее видеть. – Ксюша и Максим.

На Смирнова смотрели два улыбающихся подростка. Очень похожие друг на друга.

– Сколько им? – вежливо поинтересовался полицейский.

Если тебе показывают фотографию своих детей, надо задать хотя бы пару вопросов.

- По четырнадцать.
- Близнецы?
- Двойняшки. Они разнояйцевые.
- А как похожи.
- Да уж.

Смирнов помолчал, разглядывая детские лица. Вдруг ему в голову пришла неприятная мысль.

– Они больны? – уточнил он. – Что-то генетическое?

– Нет, что вы! Просто держу тут их... добро. – Женщина улыбнулась. – Чтобы не ослабляться, – добавила она.

– Соревнуетесь с собственными детьми? – тоже улыбнулся Смирнов.

Самсонова нахмурилась:

– Нет, конечно. При чем тут это?

– Извините, это я так. Давайте вернемся к Марухину.

– Как скажете, – недовольно проговорила Самсонова. – Александр Викторович всего себя отдавал науке. Хотя, бывало, и по головам шел.

– Но из-за этого не убивают, – возразил следователь.

Самсонова пожала плечами:

- Не знаю. Наверное, всякое бывает.
- Что еще можете сказать о покойном?

– Только хорошее, – невесело усмехнулась женщина. – На самом деле даже не знаю. Человек как человек. Мы же с ним работали вместе, а не жили. Что конкретно вас интересует?

– На молоденьких он не заглядывался?
– Чего не было, того не было. Александру Викторовичу не до того было. Он с утра до вечера только о работе думал, я ведь вам сказала.
– С женой из-за этого проблем не было?
– Если и были, то я не в курсе. Спросите ее саму.
– Так и сделаю. Вы никого не подозреваете?
– Да нет. Кого я могу подозревать? Тем более я так поняла, что убийца – псих.
– Почему вы так решили?
– Судя по тому, что он сделал.
– А вам откуда это известно? – поинтересовался Смирнов, хотя уже знал, что услышит в ответ.

– От жены Марухина. Она ходила на опознание.
– Ей должны были показать только лицо.
– Простыня случайно соскользнула.
– Понятно. Ваш муж сказал, что вы вирусолог.
– Да, и что?
– Не объясните, что это значит?
– Это имеет отношение к убийству Марухина?
– Нет, считайте, что мне просто любопытно.
– Ладно, только кратко. Договорились?
– Конечно, – согласился Смирнов. – Делайте скидку на мое невежество.
– Дело в том, что вирусы могут внедрять генетический материал в геном клетки хозяина, причем стабильно, то есть навсегда. Поэтому они используются для доставки нужной генетической информации в геном клеток.

– Как транспорт?
– В общем, да. В случае необходимости они способны корректировать дефекты генома. В восьмидесятых удалось получить изолированные гены и осуществить перенос у мышей. Тогда все и завертелось. Это был настоящий прорыв.

– Потрясающе, – вежливо сказал Смирнов.
– Еще что-нибудь?

От следователя не укрылось, как женщина якобы украдкой взглянула на часы.

– Нет, это все. Не знаете, где Александра Николаевна Кушекова?
– В лаборантской. Отсюда налево и до конца коридора.

Попрощавшись и взяв ее номер телефона, Смирнов отправился искать лаборантку. Та оказалась приятной полноватой женщиной лет сорока, в русом парике и с выщипанными бровями, которые походили на изогнутые ниточки. От нее пахло дешевым одеколоном и реактивами. Когда полицейский вошел, она мыла чашки Петри в стальной раковине.

– Александр Викторович имел золотые руки, – начала Кушекова, выслушав Смирнова. – Он мою Ниночку вылечил, так что лично я на него молилась. Мне его сам Господь послал, хотите – верьте, хотите – нет. И тот, кто его убил, достоин... достоин... – Она даже не смогла подобрать слова от возмущения.

Больше ничего путного следователь от нее не добился и, попросив записать ему номер мобильного телефона, попрощался.

Уходя из НИИ, Смирнов уносил в кармане номера телефонов всех сотрудников лаборатории. И, что не менее важно, отпечатки их пальцев, оставшиеся на страницах, где они писали свои номера.

Когда позвонил Дымин, Смирнов пил чай с купленной в ближайшем магазине булочкой.

– Я тут в монастыре все облазил, – гордо сообщил опер. – Место глухое, так что неудивительно, что сразу брата Федора не нашли. Не знаю, как его туда заманили, потому что ему туда соваться было явно незачем.

– Откуда такая уверенность, что его именно заманили?

– Если бы его тащили, то были бы следы. Я забрал у прибывшей на место опергруппы отчет, там указано, что никаких характерных борозд, остающихся, если тело волокут, – нет. Если только его несли на руках.

– А какова вероятность того, что на монаха могли напасть на территории монастыря и перетащить за склад с инвентарем? – спросил Смирнов.

– Почти нулевая. Там хорошо просматриваемый двор, мало деревьев и кустов, а главное – постоянно ходят посетители, монахи и рабочие.

– Какие рабочие?

– Да тут их полно. В монастыре реставрируют половину помещений и фасад со стороны шоссе.

– И, конечно, половина рабочих без регистрации.

– Это мы едва ли узнаем. Когда я туда прибыл, количество рабочих, как мне сказали, сократилось вдвое. Думаешь, кто-то из них замешан?

– Вряд ли.

– Тогда ладно.

– У брата Федора был мобильник?

– Не знаю.

– Выясни.

– Хорошо.

– Если был, узнай номер и посмотри, нет ли его в сотовом Марухина.

– Сделаю.

– Ты узнал насчет картинки?

– Да, ребята из местного отделения постарались, когда узнали, что это серия. Ничего церковного, как я подумал вначале. Это иллюстрация из детской книжки. Сборник древнегреческих мифов в адаптированном изложении.

– И что это за мужик в колеснице? – нетерпеливо спросил Смирнов.

– Фаэтон. Сын Гелиоса, бога солнца. Однажды он взял колесницу отца, чтобы доказать другу, что он сын бога, но не справился с лошадьми, и Зевсу пришлось поразить его молнией, чтобы спасти землю от огня. Я так понимаю, тут намек на то, что каждый должен делать свою работу и не лезть куда не следует.

– Да, наверное, – пробормотал Смирнов.

– И что это, по-твоему, может значить?

– Не представляю.

– На этот раз указание посложнее, да?

– Не говори. Понятия не имею, о чем речь. Но, наверное, надо плясать от слова «Фаэтон».

– Я тоже так думаю.

– Попробуй пробить по Интернету. Может, выпадет что-нибудь подходящее.

– Мне кажется, это бесперспективняк, – с сомнением проговорил Дымин. – Представляешь, сколько ссылок выпадет?

– Просто попробуй, ладно?

– Конечно. Просто не жди многого.

– Не буду. Тело доставили Тумарину?

– Да, я ему звонил. Все три трупа сейчас у него.

– Ну все, давай. Пока.

– Подожди, есть еще информация про Марухина.

– Выкладывай.

– Любовницы не было, все поездки и отлучки подтвердились. Выйдя в день смерти из НИИ, он позвонил только своему коллеге по фамилии Кожин. Это техник из его лаборатории. Он утверждает, что профессор вспомнил, что к следующему утру надо подготовить какой-то микроскоп, и решил позвонить. Больше Марухин никому не звонил. И, если верить его сотрудникам, ни о каких встречах в течение дня не договаривался.

– А он все время был на виду?

– Более или менее. Лаборатория состоит из нескольких комнат, и у Марухина есть свой небольшой кабинет, но по городскому он тоже ни с кем не общался.

– Ясно. Спасибо.

– Не за что, шеф.

– Надеюсь, про звонки ты выяснял в телефонных компаниях, а не просто в журнал вызовов на мобильнике Марухина заглянул?

– Обижаешь, Валер.

– Извини, это я так. На всякий случай.

Отключившись, Смирнов сразу набрал патологоанатома.

– Я так и думал, что это вы, – сказал Тумарин, услышав голос следователя. – Да, я провел обследование. Я же понимаю: дело срочное.

– Что скажете?

– Все три убийства одинаковые. Глина одного состава, хлороформ, чтобы усыпить жертву, проволока одного диаметра. Резали ее кусачками. На первом трупе в три ряда навита, на втором и третьем – в один. Отпечатки пальцев отсутствуют. Одежда, найденная в карьере, принадлежит Липину, во всяком случае, он ее носил. Зеленая краска, оставшаяся от трубы, которой ломали кости Марухину, изготовлена фирмой Greatinuo, Германия. Список магазинов, в которые она поставляется, я вам переслал по электронной почте, можете взглянуть. Теперь что касается иллюстрации из детской книжки. Думаю, она принадлежала ребенку, то есть ее не купили специально, чтобы вырвать картинку, а у кого-то позаимствовали.

– Мог убийца использовать собственную книгу, которую читал в детстве?

– Это вряд ли.

– Почему?

– Ее начали издавать только три года назад.

– Понятно.

– Больше вроде порадовать вас нечем.

– Если обнаружите еще что-нибудь, сразу сообщите, ладно?

– Договорились.

Отсоединившись, Смирнов сразу набрал номер Павлова.

– Алло, это я. Займись Липиным. Он работал в роддоме, постарайся узнать, как он мог быть связан с Марухиным и Базаровым. То же самое сделай в отношении Базарова. Если Марухина пытали, чтобы выбить из него информацию, а потом убили этих двоих, то напрашивается вывод, что он назвал их имена. Значит, был с ними знаком.

– Хорошо, шеф. Дело идет, да?

– Надеюсь.

Едва Смирнов повесил трубку, мобильник снова зазвонил. На экране высветилось «Дымин».

– Я выяснил насчет мобильника брата Федора, – сообщил опер. – У него была трубка, но она пропала. Все говорят, что он носил ее с собой, значит, убийца ее забрал. Номер, естественно, не отвечает.

– Я думаю, преступник позвонил ему и назначил встречу. Так монах и оказался за складом.

- Но зачем он туда поперся?
- Вот это-то и странно. Либо он знал преступника, либо тот знал что-то о монахе.
- Нелицеприятное?
- Просто так в монастырь не уходят. Проверь, что было причиной того, что Базаров стал братом Федором. Все в деталях: когда, как, чем занимался перед этим.
- Ясно.
- И проверь, нет ли в телефонной компании записи разговора или хотя бы номера, с которого поступил звонок на мобильный монаха.
- Слушаю и повинуюсь.
- Закончив разговор, Смирнов поднял трубку городского телефона и придвинул блокнот. Первым он набрал номер Самсонова.
- Аллю, это старший лейтенант Смирнов, – представился он, услышав голос профессора. – Извините, что беспокою, у меня к вам один необычный вопрос.
- Слушаю, – донеслось в ответ.
- Вам говорит что-нибудь слово «Фаэтон»?
- Повисло непродолжительное молчание, затем Самсонов сказал:
- Кажется, это что-то из мифов. Точно не припомню.
- Больше никаких ассоциаций не возникает?
- Да вроде нет.
- Ладно, спасибо. Извините, что побеспокоил.
- Смирнов повесил трубку и тут же позвонил Викуловой, но у нее было занято. Золина ответила спустя гудков десять.
- Здравствуйте, – сказал Смирнов. – Я из полиции, мы сегодня разговаривали.
- У вас еще вопросы, которые вы не успели задать? – неожиданно кокетливо отозвалась женщина. Она явно решила, что следователь хочет назначить ей свидание.
- Полицейский подумал, что, находясь вне общества Викуловой, блондинка чувствует себя куда свободнее. Может, стоит снова расспросить ее про Марухина? Вдруг она постеснялась сказать при рыжей то, что думает о руководителе лаборатории на самом деле?
- Всего один, – пояснил Смирнов.
- Задавайте.
- Вам говорит что-нибудь слово «Фаэтон»?
- Фаэтон?
- Да.
- Это сын бога солнца, если не ошибаюсь. Еще вроде так раньше называли открытые экипажи.
- Больше ничего в голову не приходит?
- Вроде нет.
- Спасибо.
- Это все, что вы хотели? – Голос прозвучал удивленно и разочарованно.
- Вы действительно так уважали Марухина, как сказали?
- Конечно. Почему вы спрашиваете?
- Просто так. Он вам нравился?
- В каком смысле? – Снова игривый тон.
- В обоих.
- Золина хохотнула:
- Пожалуй. Если не считать того, что он был поглощен своей работой. Не знаю, как он жениться-то умудрился. Наверное, его просто женили на себе.
- Это бывает, – согласился Смирнов.
- Ну и, конечно, он был для меня староват, – добавила женщина.

- Понимаю. Что ж, спасибо. На этом все.
- Если захотите, позвоните.
- Обязательно. Всего доброго, – твердо сказал Смирнов и повесил трубку.

Следующим в списке шел Кожин. Он тоже не вспомнил ничего, кроме того, что слышал о Фаэтоне еще в школе. Бирюков посоветовал поискать информацию в Интернете. У Самсоновой слово «Фаэтон» вообще никаких ассоциаций не вызвало. Перед тем как позвонить Кушековой, Смирнов набрал номер Викуловой. На этот раз она ответила. Но ничего нового не сказала. Ее познания ограничивались тем, что Фаэтон – это что-то из Древней Греции.

Смирнов отключился и набрал номер лаборантки – последней в списке.

- Да?
- Старший лейтенант Смирнов.
- А, это вы. Слушаю.
- Хотел спросить: говорит ли вам что-нибудь слово «Фаэтон»?
- Говорит.
- Что именно?
- Во-первых, это сын Гелиоса.
- Так.
- Во-вторых, так называется теплоход, на котором мы завтра отправляемся в Сургут.
- Что? – Смирнов едва не подскочил.
- Наша лаборатория участвует в симпозиуме, посвященном новейшим подходам в лечении наследственных заболеваний, – объяснила Кушекова. – Мы отплываем завтра в семнадцать двадцать.

- Кто конкретно?
- Вся лаборатория, естественно. Александр Викторович тоже должен был плыть, но, сами понимаете, теперь придется отправляться без него.
- Почему вы единственная мне об этом сказали? Я обзвонил всех, но ни один не вспомнил название теплохода.

Лаборантка усмехнулась:

– Ничего удивительного. Билеты заказывала я, и остальные получили их только в пятницу вечером, так что вряд ли успели их внимательно изучить. Обычно их начинают разглядывать перед самым отъездом.

- Понятно. И когда вы заказали билеты?
- Бронь сделала пять дней назад, то есть в четверг, а забрала в пятницу.
- И тогда же всем раздали?
- Точно.
- Простите мое занудство, но я должен уточнить: билеты получили абсолютно все сотрудники вашей лаборатории? Именно в пятницу?

– Да, все были на месте, и я выдала билеты.

– Спасибо.

– Кстати, раз уж вас так интересуют билеты, с нами поплывут еще семьи детей, которых мы лечили и на которых разработанные нами препараты оказали благоприятное воздействие. Они тоже будут участвовать в симпозиуме. В качестве наглядного результата, так сказать.

– И сколько семей плывут с вами? – проговорил Смирнов, чувствуя, как расширяется и в то же время сужается круг подозреваемых.

– Пять. Они любезно согласились сопровождать нас.

– Вы и на них взяли билеты?

– Да.

– А когда вы их отдали?

– Тоже в пятницу.

- Всем?
- Конечно. Родители заехали за ними к нам в НИИ.
- У вас есть список семей?
- Да, он вам нужен?
- Очень хотелось бы получить копию.
- Хорошо, заезжайте завтра утром в лабораторию.
- Спасибо.

Повесив трубку, Смирнов откинулся на спинку стула и уставился в одну точку. В голове бешено вращались мысли. Минимум семнадцать человек знали о том, что лаборатория отправится в плавание на «Фаэтоне», уже в пятницу вечером. За один день убийца подготовился к преступлению и расправился с Марухиным – притом что ему пришлось достать хлороформ, проволоку, нож или пилу и обрезок трубы, сгонять в карьер и набрать глины. Затем он прикончил Липина, отвез его в карьер, уничтожил следы при помощи воды (опять же достав где-то две канистры) и ринулся в монастырь убивать Базарова, по дороге прихватив иллюстрацию из детской книжки с изображением Фаэтона. Словом, преступник трудился без передышки с вечера пятницы до сегодняшнего утра. И теперь он спокойно ждет продолжения своего кровавого банкета на теплоходе. Первую жертву он пытал, очевидно чтобы выяснить подробности, – значит, на Марухина он потратил больше времени, чем на других. Об этом говорит и то, что проволока была намотана на его ногах и руках в три ряда, а на двух других трупах – только в один: убийца торопился, он связывал жертвы только для страховки, на случай, если те придут в себя, несмотря на хлороформ. Возможно, именно ученый выдал ему остальных – Липина и Базарова. Тогда убийца действовал экспромтом, без предварительной подготовки. Просто отправлялся по названным адресам, находил жертву и убивал. Глиной он, очевидно, запасся в карьере, когда отвез туда Липина. Он использовал ее во время убийства монаха и наверняка собирается затолкать ее в горло того, кто намечен им в жертву на «Фаэтоне». Значит, преступник прихватит глину с собой. По идее, обыск мог бы дать многое – даже если бы убийца спрятал улику не в своей каюте, а где-нибудь на теплоходе. Наверняка остались бы следы или свидетели – не так-то просто скрыть что-то на корабле, где полно пассажиров и матросов. И ведь мало скрыть – надо еще достать глину из тайника, чтобы использовать, так сказать, по назначению. Опять же убийце нужно прихватить с собой проволоку и хлороформ. Все это указало бы на него, но нельзя обыскивать всех подряд. На это ордер никто не даст. Смирнов досадливо поморщился. Очень жаль, это упростило бы дело.

Следователь снял трубку и позвонил в справочную, чтобы узнать, по какому номеру можно связаться с кем-нибудь, имеющим отношение к теплоходу «Фаэтон». Через пять минут он уже звонил капитану Капотову. Представившись репортером, следователь поинтересовался, не случилось ли на борту происшествий, несчастных случаев и так далее. Капитан ответил, что, слава богу, нет, и по его голосу Смирнов понял, что тот не врет.

Повесив трубку, он встал и направился в кабинет начальника. Пришло время отчитаться о проделанной работе и обсудить, как действовать дальше. У следователя был план, и он собирался изложить его Петровичу, очень надеясь, что тот с ним согласится. Увидев на пороге Смирнова, начальник махнул рукой и указал на кресло напротив широкого стола. Несметов был человеком семейным, и справа от органайзера всегда стояли две фотографии – жены и дочери. Одну из них он как раз рассматривал, держа двумя пальцами за угол рамки.

– Привет, Валер. – Петрович поставил фотографию на место и сложил руки перед собой, сцепив пальцы в замок. – Ну, как продвигается? Слышал, оказалась серия. – В голосе Петровича звучала досада. – Не везет так не везет.

– Да, Павел Петрович, и это убийство не последнее. Мне кажется, мы имеем дело с зазывалой, – проговорил Смирнов, садясь в кресло.

Начальник закурил сигарету и внимательно взглянул на подчиненного.

– Почему?

– Ну, смотрите сами, – принялся излагать Смирнов. – Глина в горле первого трупа указывала на карьер, где нашли второе тело. В вещах же второй жертвы была брошюра из монастыря, где убили монаха.

– В руке которого оказалась иллюстрация из детской книжки, – закончил за следователя Петрович.

– И это тоже указание на место, где будет следующий труп.

– И где же? – скептически хмыкнул Петрович, постукивая по столу зажигалкой. – Что там на картинке?

– Фаэтон.

– Сын бога солнца?

– Угу.

– Значит, следующий труп там и будем искать, – кивнул начальник.

– Где? – не понял Смирнов.

– На Солнце. – Петрович указал дымящейся сигаретой в потолок.

– Нет, Павел Петрович, следующее убийство планируется на теплоходе «Фаэтон». На нем завтра поплывут коллеги Марухина в Сургут. У них там семинар.

Начальник вытаращил на подчиненного глаза, что доставило следователю немалое удовольствие.

– На нем плывут семь сотрудников НИИ, – уточнил Смирнов. – Они все из лаборатории Марухина. Билеты заказаны еще в четверг, розданы в пятницу вечером. Так что убийца спланировал все еще до выходных. Но действовать ему пришлось очень быстро.

– Значит, убийца назначает нам встречу на «Фаэтоне»? – мрачно констатировал Петрович. Он сразу оценил всю серьезность ситуации.

– Уверен, что да. Там убийства еще не было. Значит, оно произойдет во время плавания. Преступник торопился, убивая первые три жертвы: он хотел успеть на рейс теплохода. Иначе он бы спрятал тела получше и дал себе больше времени.

– А следующая жертва, по-твоему, – один из этих ученых?

– Это логично.

– Согласен. Вопрос в том, входит ли в число этих семерых и преступник. Или он появится со стороны?

– Мы отработаем оба варианта.

– Само собой. Но нужно поговорить со всеми семерыми: возможно, потенциальная жертва сама догадается, что именно она на очереди, и попросит защиты.

– Дай-то бог! – искренне сказал Смирнов.

– И сколько человек ты рассчитываешь задействовать в операции?

– Чем больше, тем лучше.

– Но мы не можем снимать людей с теплохода. Билеты-то уже куплены. Так что придется обойтись всего несколькими сотрудниками. Кого возьмешь?

– Дымина и Павлова, – не задумываясь, ответил Смирнов.

– Одобряю и понимаю, – согласился Петрович. – Сегодня выясню, сколько мест на теплоходе свободно, и тогда, может, втиснем еще кого-нибудь. Вам троим уголок найду в любом случае.

Смирнов умолчал о том, что, по его мнению, жертвой может быть не один из сотрудников лаборатории, а все. Конечно, если это так и убийца среди них, то рано или поздно его можно будет вычислить методом исключения (в самом крайнем случае). А вот если он просто плывет тем же рейсом, то дело труба. Тут можно рассчитывать только на то, что его удастся взять с поличным, потому что уследить за двумя с лишним сотнями пассажиров плюс команда

нереально. Даже если наводнить теплоход полицейскими, а в распоряжении Смирнова будут всего несколько оперов.

Вскоре Петрович позвонил и сказал, что на «Фаэтоне» нашлось всего два места, да и то лишь благодаря тому, что Марухина убили.

– Так что придется взять кого-нибудь одного, – пояснил он.

– Возьму Дымина, – решил Смирнов.

– Лады. Билеты получишь у меня завтра утром. Часов в десять приходи. Заодно все обсудим.

Поговорив с начальником, Смирнов набрал номер Тарского.

– Это старший лейтенант Смирнов, – представился он. – Как дела?

Тот крикнул.

– Пока никак. Никто ничего не видел. Ни человека, ни «Волгу».

– А на трассе проверяли? Может, ее тормозили?

– Проверяли, – хмуро буркнул Тарский. – Не тормозили. И нигде на шоссе она не оставалась.

– Плохо, – констатировал Смирнов.

– Угу.

– Ладно, спасибо.

– Да не за что. Если что всплывет, сообщим.

Затем Смирнов позвонил Павлову.

– Снова я, – сказал он. – Новости есть?

– Есть. Я уже сам тебя набрать хотел, да ты меня опередил.

– Выкладывай.

– Про алиби читателей, любителей Голема, пока ничего не скажу. Это дело не на два часа.

А вот что я узнал насчет канистр. Криминалисты говорят, что это не канистры.

– В смысле?

– Это пластиковые бутылки для хранения реактивов. Причем конкретно в этих хранится спирт. Технический, девяностошестипроцентный. Вместо пробки вставляют сифон и нацеживают столько, сколько нужно.

– И что, в них действительно был спирт?

– Ага. Более того, криминалисты взяли немного глины из карьера, где преступник уничтожил следы, и сделали анализ.

– И?..

– В карьер вылили не воду, как мы думали вначале, а спирт.

– И это удалось определить?

– Ну да.

– Я думал, он без следа испаряется.

– Я тоже так считал и спросил криминалистов. Они сказали, что четыре процента составляют примеси. На хроматографе они легко определяются.

– Ясно. А где используется такой спирт? Вернее, где можно раздобыть бутылки вроде этих?

– В химической лаборатории.

– Seriously?

– Ага. Ты тоже подумал о НИИ, где работал Марухин?

– Еще бы. Когда я там был, его коллеги обсуждали, что какие-то алкаши сперли спирт.

Я тогда значения не придал, конечно. У нас в России, известно, прут всё, что плохо лежит.

– Иногда и то, что лежит отлично, – заметил Павлов.

– Ну да. Но теперь надо выяснить, в чем хранился спирт в НИИ. Я сейчас позвоню Бирюкову или Кушековой.

– Хорошо, удачи.

Смирнов набрал номер профессора.

– Здравствуйте, – произнес он, услышав его голос. – Старший лейтенант Смирнов беспокоит. Пара вопросов.

– Слушаю.

– Когда у вас из лаборатории украли спирт?

– Не знаю. В пятницу днем еще был.

– А когда обнаружили пропажу?

– Сегодня после обеда.

– А кто первым заметил отсутствие спирта?

– Бирюков. Он ему понадобился для какой-то реакции.

– Забрали весь спирт?

– Нет, только две бутылки.

– А всего их сколько?

– Шесть. У нас большой запас.

– Бутылки по тридцать литров?

– Кажется, да. Во всяком случае, довольно большие.

– На них есть какая-нибудь маркировка?

– Об этом лучше спросить Бирюкова.

– Хорошо, спасибо.

Отключившись, Смирнов перезвонил Павлову.

– Это опять я.

– Что случилось, шеф?

– Возьми у криминалистов канистры и сгоняй к Бирюкову, это химик из лаборатории Марухина. Спроси, их ли это добро и не было ли на них каких-нибудь наклеек. Понял?

– Да. Сейчас на канистрах нет ничего, я спрашивал.

– Естественно. Если маркировки и были, их удалили.

– Слушай, Валер, все ниточки тянутся в лабораторию, да?

– Не знаю насчет всех, но в целом ты уловил тенденцию.

Опер хмыкнул.

– Я позвоню после того, как съезжу к химику.

– Договорились.

Смирнов вскипятил чайник и налил себе черный кофе. Почитал роман Майринка, хотя было ясно, что это едва ли поможет.

Через некоторое время позвонил Дымин.

– Ну? – нетерпеливо проговорил следователь, снимая трубку.

– Заждался? – усмехнулся опер. – Ладно, можешь меня поздравить.

– С уловом?

– С ним.

– Говори.

– Сначала насчет монаха. Брат Федор, вернее, Базаров, до того как принять постриг, был химиком в лаборатории Марухина. Он работал у него двенадцать лет.

– Блеск! – только и смог выговорить Смирнов. – А что с телефоном?

– Я узнал в компании сотовой связи: ему звонили утром, незадолго до смерти. Но владельца номера определить не удалось.

– Как так?

– Дело в том, что компания проводила акцию на новый тариф. Симки просто раздавались на улицах – кто хотел, мог подключиться. Никаких договоров.

– Ясно. И когда раздавались симки?

– Две недели назад начали, позавчера закончили.

- Так-так. Это все?
- Насчет Базарова да. Теперь что касается Липина. Я пообщался с его женой и коллегами.
- И что?
- Он работал акушером девятнадцать лет. Отличный послужной список, так сказать: грамоты, дипломы, благодарности и так далее. Словом, вся грудь в медалях. Но знаешь, что самое интересное?
- Ну?
- Он принимал роды у Самсоновой.
- Той самой? – уточнил Смирнов, хотя это и так было очевидно.
- Само собой. Когда она произвела на свет двойняшек.
- Значит, прав был Павлов.
- В чем это?
- Все ниточки действительно тянутся в лабораторию.
- Что будем делать, Валер?
- Поплывем на семинар. Завтра утром жду тебя у себя в кабинете.
- Окей. Вдвоем, значит, отправляемся?
- Пока да. Когда часть пассажиров сойдет с теплохода по дороге, тогда в какую-нибудь освободившуюся каюту подселю Павлова.
- Лады. До завтра.
- Пока.

Смирнов повесил трубку и сделал большой глоток кофе. И так, зазывала назначил встречу. Очевидно, что его жертвы связаны друг с другом. Почти наверняка их назвал Марухин, которого жестоко пытали. Вопрос лишь в том, сколько человек в списке.

Под конец рабочего дня позвонил Павлов и сообщил, что был у Бирюкова, правда, пришлось съездить к химику домой, чтобы показать канистры, – тот уже ушел из лаборатории.

– Это их бутылки, – пояснил Павлов. – На них не было наклеек, просто маркером написано... сейчас, подожди, я гляну... ага, вот: C_2H_5OH . Это формула спирта. Ее стерли с бутылей. Кстати, спиртом же. – Опер усмехнулся. – Интересно, у кого рука поднялась вылить шестьдесят литров бухла? Ведь если их пополам водой разбавить, это ж сто двадцать литров водки получилось бы!

– Хороший вопрос, – улыбнулся Смирнов. – Наверное, у того, кто не пьет.

Павлов фыркнул.

– Кто не пьет, тот загнал бы спирт знакомым по сходной цене.

– Мы сейчас не про дядю Ваню говорим из соседнего подъезда, а про серийного убийцу, – напомнил Смирнов.

– Да его за один только пролитый спирт посадить надо! – ничуть не смутившись, заявил Павлов.

– Ладно, работай дальше. Выясняй алиби читателей.

– Окей.

Смирнов отправился домой. В этот день уже больше ничего нельзя было сделать, оставалось лишь обдумать то, что известно, и попытаться угадать, кто может стать следующей жертвой. Дело, конечно, безнадежное, но заставить себя перестать думать о расследовании полицейский не мог.

Глава 3. Вторник

С утра Смирнов заехал в НИИ и забрал у лаборантки список семей, отправляющихся на семинар.

– Я знаю, что у вас пропали две канистры спирта, – сказал он.

Кушекова усмехнулась:

– Да уж!

– Раньше такое случалось?

– У нас – нет.

– В смысле – в вашей лаборатории?

– Да. Иногда, конечно, брали немного, сами понимаете, но чтобы спереть шестьдесят литров! – Она покачала головой.

– У вас есть подозрения, кто это сделал?

– Думаю, человек со стороны. Когда нас нет, можно зайти в лабораторию и забрать то, что нужно.

– Что, ключи так легко достать?

– Нет, но при желании можно изготовить дубликат. Результаты исследований и образцы мы запираем в сейф – у нас стоит специальный железный шкаф, – но реактивы, конечно, нет.

– И кто это мог быть?

– Без понятия. Кто угодно.

– Во сколько вы уходите домой?

– В семь часов. Иногда задерживаемся.

– Во сколько ушли в пятницу?

– Я?

– А вы последней уходили?

– Да. Вернее, мы с Кожиным. Я убирала посуду, а он – приборы.

– Во сколько это было?

– Дайте вспомнить. В семь двадцать.

– Вы всегда так поздно уходите в пятницу?

– Нет, обычно, наоборот, пораньше, но ведь на носу был семинар, и мы готовились.

– Понимаю. А кто находится в НИИ в выходные?

– Вы имеете в виду, кто мог стащить спирт, пока нас не было?

– Ну да.

– Тут были охранники.

– Больше никого?

– Вам лучше их спросить, не заезжал ли кто.

– Скажите, а как вообще можно вынести из института две такие здоровенные бутылки? – задал Смирнов свой главный вопрос. – Я себе это как-то не представляю.

Кушекова понимающе усмехнулась.

– Ну еще бы! – сказала она. – На самом деле вынести они их никак не могли. На проходной обязательно остановят. Есть два черных хода, но они закрыты, и там камеры слежения. Охрана увидела бы похитителя.

– Записи просматривали?

– Естественно. Никого. Ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье.

– Понятно. Ладно, пойду поговорю с охраной. Где она тут у вас обитает?

– Надо спуститься на первый этаж, и налево до конца. Там дверь с табличкой.

Смирнов поблагодарил Кушекову и отправился на поиски убежища охраны. Следуя указаниям лаборантки, он легко отыскал нужное помещение. Два мужика в черной форме с удивлением подняли на него глаза, когда он вошел.

– Полиция. – Смирнов продемонстрировал им свое удостоверение, и они внимательно его рассмотрели. – Меня интересует, как был вынесен спирт из лаборатории.

Охранники переглянулись.

– А кто вас вызвал? – поинтересовался один из них.

– Не важно, – ответил Смирнов. – Главное, что я здесь. Кто находился в здании в пятницу вечером, а затем в выходные? Мне нужны фамилии, должности и время пребывания.

– Дим, сходи за журналом, а? – попросил после паузы один охранник другого.

Тот послушно вышел в коридор.

– Кто это мог сделать? – спросил Смирнов, глядя на оставшегося охранника.

Тот пожал плечами.

– Кто-нибудь из ваших? Из тех, кто дежурил?

Охранник усмехнулся.

– На фига, начальник? На нас бы все сразу подумали. На нас и так думают, даже ты вот, – добавил он с досадой. – А зачем нам спирт, если мы все подшитые? Нас в агентстве заставляют в обязательном порядке.

Через минуту вернулся его товарищ с толстой тетрадью в руках.

– На проходной все расписываются, когда приходят и уходят, – пояснил он. – У нас с этим строго.

Смирнов открыл журнал на странице, где были отметки за пятницу. Все семеро коллег Марухина покинули лабораторию до семи двадцати – как и говорила Кушекова. Но в семь сорок пять Кожин вернулся. А ушел только в восемь десять.

Следователь перелистнул журнал. В субботу утром явился Самсонов, уехал в десять пятнадцать, затем приезжал Бирюков и пробыл в НИИ с двенадцати до половины второго. В воскресенье утром заскочила на полчаса Викулова, в шесть ноль пять – Золина. Словом, все, кроме Кушековой и Самсоновой, там побывали. Но Викулова и Золина не могли вылить спирт в карьере – Липина нашли там раньше. Оставались Кожин, Самсонов и Бирюков. Конечно, они скажут, что заезжали, чтобы что-нибудь взять или сделать в рамках подготовки к семинару. И в двух случаях это, наверное, будет правдой. В то же время можно ли с уверенностью утверждать, что убийца – один из этих троих? Смирнов был вынужден признать, что нет. Спирт мог забрать и кто-то другой.

– Эти три страницы отсканируйте, – велел Смирнов охранникам. – И мне нужен полный список тех, кто тут был за три дня.

Через двадцать минут он вышел на улицу с несколькими сложенными пополам листками в руке. Смирнов остановился и отыскал глазами окна лаборатории (предварительно сверившись с висевшим в камере охранников планом эвакуации). На окнах не было решеток, очевидно считалось, что выше первого этажа воры не полезут.

Сев в «мицубиси», Смирнов позвонил Павлову.

– Слушай, ты в отделении? Отлично. Я тебе привезу кое-какие бумаги. Ты позвони Кожину, Самсонову и Бирюкову и спроси, зачем они заезжали в НИИ, когда там никого не было. И узнай у них еще, не видели ли они в лаборатории пропавшие канистры. Понял?

– Понял, но не очень.

– Я приеду – все подробно объясню.

– Ладно, жду.

– Да, вот еще что: выясни, нет ли у кого-нибудь из работников лаборатории «Волги». Ну, или у их родственников.

– Запросто.

Закончив разговор, Смирнов поехал в участок, где прежде всего зашел к начальнику за билетами. Заодно рассказал о свежих деталях по делу.

– Надо проверить тех, кто работал в лаборатории раньше, – сказал тот. – Поручи это Павлову. И пусть он хорошенько проработает Липина. Надо выяснить обстоятельства рождения близнецов Самсоновых, это пока единственное, что указывает на связь между акушером и лабораторией.

Через пять минут Смирнов вошел в кабинет Павлова. Тот сидел за компьютером, обложившись бумагами.

– Здорово! – протянул он через стол руку.

Смирнов пожал ее и сел на стул. Затем обстоятельно рассказал о своем посещении НИИ и о том, что требуется узнать. Заодно передал слова Петровича.

– Что касается спирта, то его, я уверен, спустили на веревке через окно, – заявил он. – Там решеток нет, а камеры стоят только возле дверей.

Павлов присвистнул.

– Все гениальное просто. Знать бы еще, кто это сделал. Наверное, свидетели есть, только где их теперь найти.

– Это вряд ли, – покачал головой Смирнов. – НИИ стоит на огороженной территории, район промышленный, день был либо выходной, либо вечер пятницы, когда все уже дома или в баре.

– М-да, – обронил Павлов. – Без шансов, значит. Жаль.

– Так ты уж сделай то, о чем я тебя просил, – напомнил Смирнов.

– Ладно, ладно, – покорно кивнул Павлов. – Не все сразу. Ты меня и так уже загрузил по самое не балуй.

– Поручи что-нибудь Никитину, – посоветовал Смирнов.

– Посмотрим, – уклончиво ответил опер. На самом деле ему нравился такой темп расследования, просто он не хотел это демонстрировать, логично предполагая, что если начальство догадается, что ты получаешь от работы удовольствие, то будет нагружать тебя еще больше.

От Павлова Смирнов направился в свой кабинет и перед дверью почти столкнулся с Дыминым.

– Ну что, – проговорил опер, когда они прошли внутрь, – сезон охоты объявлен открытым? – Он уселся в кресло у окна.

– Давно уже, – отозвался Смирнов. Он достал из ящика стола распечатанный из Интернета маршрут теплохода «Фаэтон». – Посмотри, как мы поплывем.

Дымин обошел стол и встал так, чтобы смотреть из-за плеча следователя.

– Три остановки, – отметил он. – Первая в среду в полдень, но короткая, а вот вторая в четверг и аж на три часа. Последняя в пятницу, но там даже сходить на берег не будут, потому что теплоходу только отметиться надо.

– Получается, в четверг самая долгая, – пробормотал Смирнов.

– Ага. Пассажиры разбредутся по городу, и мы потеряем их из виду.

– Ну, вдвоем нам и на теплоходе за ними не уследить.

– И, таким образом, у убийцы будет куча возможностей.

– Думаешь, он станет убивать в городе?

– Почему нет? Встреча назначена, мы явимся. А дальше у него нет никаких ограничений.

Дымин задумчиво хмыкнул.

– Ему придется прихватить с собой на берег сумку с глиной, проволокой, кусачками и хлороформом, – отметил он.

– Это займет у него не так уж много места.

– Но женская сумочка для этого не подойдет.

– Смотря какая.

– Мы все равно не можем никого обыскивать. А на обратном пути улики у преступника с собой уже не будет.

– Разве что хлороформ и кусачки. Если он решит не ограничиваться одной жертвой, они ему еще понадобятся.

Смирнов быстро взглянул на опера:

– Ты тоже этого опасаясь, да?

– Не удивлюсь, если он собирается грохнуть всех семерых, – согласился Дымин.

– Знать бы, почему он убивает.

– Мотив должны знать жертвы. Может, поговорить с ними?

– Это придется сделать в любом случае. Они должны быть готовы. Но сделаем мы это, когда «Фаэтон» отчалит.

– Чтобы никто не сбежал?

– Да. Не хочу, чтобы все сорвалось.

– Понимаю.

– А насчет кусачек и хлороформа – убийца избавится от всего. Наверняка он все рассчитал и прихватил нужное количество инструментов, спрятав их где-то на теплоходе.

– Ну, все это актуально, только если преступник наметил несколько жертв.

Смирнов кивнул:

– Будем надеяться, что нет.

– Сколько продлится круиз?

– Пять дней.

Дымин присвистнул.

– Хорошо, если справимся раньше.

– Дай-то бог.

– Сейчас иди домой, собери вещи. Встретимся на причале.

– Договорились.

Попрощавшись с Дыминым, Смирнов отправился к Никитину.

– Привет, – сказал он, входя. – Как дела?

– Отлично, – отозвался тот. – Как твои?

– Есть одно дело.

– Давай. Чем смогу, помогу.

Смирнов протянул список родителей, отправляющихся на теплоходе вместе с группой Марухина.

– Узнай о них все, что сможешь. Особенно насчет их детей. У них генетические заболевания.

– Это касается тех убийств?

– Ага.

– Ладно. Когда тебе нужны сведения?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Понял, постараюсь, – пообещал Никитин.

Смирнов взглянул на часы: времени было еще вагон и тележка. Полицейский решил, что успеет съездить в монастырь и своими глазами осмотреть место преступления.

На место он прибыл через полчаса. Монастырь стоял возле шоссе, слева торчала остановка автобусов, на которой сидели люди. Смирнов припарковался неподалеку от центральной арки монастыря и направился к ней, на ходу доставая удостоверение, чтобы продемонстрировать его охраннику у ворот.

– Как мне найти настоятеля? – осведомился он.

– Отца Кирилла-то? Можно позвонить, предупредить, что вы приехали.

– Давайте.

Охранник скрылся на пару минут в будке, и Смирнов видел через стекло, как он набирает номер.

– Идите прямо до самого конца, – сказал охранник, высунувшись через минуту. – Там будет здание с дверью посередине, оно последнее, так что не ошибетесь. Отец Кирилл встретит вас внизу.

Поблагодарив охранника, Смирнов вошел на территорию монастыря. Часть ее была огорожена стальной сеткой, потому что там лежали стройматериалы. Стояли леса, на которых виднелись рабочие. Реставрация шла полным ходом.

Смирнов прошел через следующую арку и увидел монастырский ансамбль – несколько церквей и часовен. Они были рассредоточены по довольно ухоженной территории с газонами и отдельно стоящими небольшими деревцами. Вдалеке виднелись несколько крестов.

Мимо полицейского с деловыми лицами торопливо прошагали два монаха. Они направились в сторону длинного двухэтажного здания, стоящего слева. За ним торчали домики, напоминающие склады. Между ними темнели низкорослые, но довольно разлапистые ели.

Смирнов прошел по дорожке прямо к последнему зданию. За ним тянулась ограда, за которой уже виднелся Финский залив. Здание было красное с белым, трехэтажное, с позолоченной маковкой посередине крыши. Справа от входа стояла скамейка, на которой сидел дворник в резиновых сапогах. Метла была прислонена рядом.

Смирнов толкнул белую пластиковую дверь и вошел. Отца Кирилла он увидел сразу – тот стоял возле большого деревянного ящика для пожертвований. На вид ему было лет сорок, русая борода лежала на груди, частично закрывая крест. Подпоясан настоятель был тонким кожаным ремешком, на котором висели деревянные четки.

Смирнов протянул руку, и монах сразу ее пожал, довольно крепко, но без нарочитой демонстрации силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.